

САКРАЛЬНЫЙ ФУТБОЛ

АЛЕКСАНДР КИБКАЛО

Александр Кибкало
Сакральный футбол

«Алисторус»

2018

УДК 82-3
ББК 88.3 (-445.84)

Кибкало А.

Сакральный футбол / А. Кибкало — «Алисторус», 2018

ISBN 978-5-907028-55-5

Действие романа происходит в 2028–2030 годах в России, а также в США и странах Латинской Америки. Футбол предстает здесь как некая динамическая модель жизни; футбольный чемпионат мира – как ристалище, на котором происходит метафизическое сражение сил противоположного знака, исповедующих принципиально различные взгляды на будущее человеческой цивилизации. Эти силы представлены, с одной стороны, славянскими волхвами, приверженцами ведической традиции; с другой – западными оккультными орденами. Политическая борьба, описанная в книге, предстает как проекция борьбы метафизической. Борьба за будущее России, ее место в общецивилизационных процессах рассматривается с позиций метаистории.

УДК 82-3
ББК 88.3 (-445.84)

ISBN 978-5-907028-55-5

© Кибкало А., 2018
© Алисторус, 2018

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	39
Глава 6	43
Глава 7	51
Глава 8	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александр Кибкало

Сакральный футбол

© Кибкало А. В., 2018

© Сергей Гарбузов, идея обложки и рисунки, 2018

© Игорь Анисифоров, рисунок на титульном листе, 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

* * *

От автора

Роман этот замыслен был мною много лет назад, и лишь в 2016-м году сложились условия, при которых я мог приступить к его написанию. Он, безусловно, носит черты «романа-фэнтези», так как его действие разворачивается в недалеком, но все же будущем – в 28–30-м годах текущего века.

Вряд ли стоит рассматривать эту книгу лишь как одну из стоящих в обойме спортивной литературы, хотя спортивный аспект, бесспорно, в ней присутствует. Автор всегда неравнодушно относился к футболу – возможно, в силу того, что родился и провел первые годы жизни в районе стадиона «Динамо». Автор в свое время и сам играл в любительских командах, да и теперь, случается, выходит на поле.

Однако автор предполагает, что его замысел простирается далеко за рамки футбольной тематики.

Игра как модель, отражающая взаимодействие процессов разного уровня в системе жизни, всегда привлекала внимание автора. Большая Игра, как магический кристалл, концентрирует в себе бесчисленные энергетические потоки, возникающие на различных планах Глобальной Реальности.

Разглядывание того, что стоит за Большой Игрой, по мнению автора, может позволить нам уловить подтексты многих конкретных событий, что в этой реальности возникают.

Большая Игра неизменно ставит вопрос о победителе и проигравшем; в различных системах координат он может иметь совершенно различную конфигурацию.

В данном же случае, как предполагает автор, этот вопрос соотносится с темой противоположения аспектов Света и Тьмы, а также Добра и Зла.

По мнению автора, Большая Игра может быть рассмотрена и как проекция борьбы различных наций за самоопределение, а в отдельных случаях – за доминирование на планетарном пространстве.

В таком контексте важнейшую роль приобретают такие факторы, как влияние эгрегоров наций и эгрегоров Родов, связанные с еще более глобальными метафизическими факторами.

Автор предлагает свою версию ответа на вопрос, какой метафизический источник наиболее соответствует духу славянства как этноса, исторически призванного к объединению вокруг себя других больших и малых народов.

В романе делается попытка осмыслить некоторые из общецивилизационных процессов; и на этой основе предположить, каким образом они могут быть спроецированы на будущее цивилизации.

Для тех же, кто столкнется с непонятными для себя терминами, предлагаю обратиться к Словарю использованных терминов, размещенному в конце книги.

Хочу выразить глубокую признательность за помощь в создании этой книги Омскому бизнесмену Святославу Капустину, а также моей жене Камилле Кибкало.

Отдельная благодарность за предоставленные работы талантливому художнику Сергею Гарбузову.

Пролог

– Как он надоел со своим жужжанием...

Михаил Георгиевич был готов выругаться в каких-то резких выражениях по поводу соседа и его триммера, но он давно отвык от ругани как формы выражения эмоций, да и сами эти слова практически забыл. Раздражение он плавно растворил, переплавил в своих внутренних алхимических печах и стал просто ожидать, лежа на своем диванчике на веранде дачи, когда сосед, наконец, докосит траву, и можно будет уснуть. Он очень устал от возни на участке, от перекладки дров от дома в сарай, от сбора древесного мусора, от обрезки веток и подкрашивания стволов трех яблонь и двух слив антипаразитарной эмульсией.

Через длинное окно веранды хорошо было видно небо; две мухи отчаянно жужжали и пытались прорваться на волю; за стеклом, по белесо-голубому небу, проползали курчавые вялые сентябрьские облака.

Соседский триммер вдруг затих. Михаил Георгиевич ожидал, что он снова взревет и будет давить ему на мозги и нервы. Но нет; стали слышны переговоры соседа с женой, затем звяканье ведер, урчанье собаки; а потом и вовсе стало тихо. Только мухи все жужжали, и вроде как не собирались устать. И тут же сознание Михаила Георгиевича стало завлакивать мягким туманом полусознанности. Он легко поддался на этот переход, и вскоре услышал собственный храп. Тогда он перевернулся со спины на бок, и вроде бы проснулся. Но это ему только показалось. Потому что далее он увидел какое-то туманное поле и идущих по нему людей. Он даже попытался понять, что это за люди, почему он их видит. Но затем перестал о них думать.

Оказалось, что эти люди с тяжелыми тюками за плечами идут к небольшому самолетику. Его головной винт уже крутился, высверкивая в воздухе серебристый диск... Люди, постояли, затем стали грузиться в самолетик.

Михаил Георгиевич снова услышал собственный храп и решил проснуться. И, вроде бы, даже увидел мух на окне веранды. Но они были чрезмерно большие, просто огромные, с толстыми волосатыми ножками.

Но вдруг он снова очень ясно увидел тех же людей. Только теперь они уже летели в этом самолетику. Мужчины посмеивались, подбадривали двух женщин. Вдруг боковая дверца самолета открылась, ворвался сноп дымного ветра; сидевшие вдруг встали, и начали продвигаться к открытой дверце. Внезапно один резко шагнул в никуда и пропал. Затем другой мужчина, потом женщина. У люка стоял мужчина, бородатый, в красной куртке, с волевым загорелым лицом. Он что-то говорил каждому, но за шумом мотора не было ничего слышно. И вдруг сознание Михаила Георгиевича сделало странный скачок: он вдруг оказался вне самолета, и летел вместе с парашютистами вниз. Он видел, как вспыхивают на солнце их разноцветные парашюты, а сами люди резко взлетают вверх; он же почему-то продолжал лететь куда-то вниз. И тут он обернулся, и увидел прямо перед собой, буквально в метре, женщину. Это была одна из тех двух, что сидели в самолете. Она летела вниз как-то боком; темно-русые волосы выбились из-под шапочки; она судорожно дергала какой-то крючок на мешке, что висел у нее спереди. У нее было белое от ужаса лицо, куртку всю просто рвало ветром... Ее переворачивало, она пыталась дотянуться до мешка, что висел у нее на спине; кто-то истошно кричал ей сверху, и крик этот удалялся...

Земля стремительно приближалась... Лицо женщины теперь казалось Михаилу Георгиевичу знакомым. Тяжелая густая тревога объяла все его существо. Как будто что-то или кто-то (или же часть его самого) резко толкнула его в сторону парашютистки. Уже перед самой землей, метров за двести до встречи с желтым каменистым грунтом, он как-то подсел под нее, обе руки сложил у нее за спиной. Почувствовав тяжесть ее тела, непонятно каким образом

напрягся, и стал удерживать ее, замедляя скорость падения. Так продолжалось секунды три. Только когда она приземлилась, слегка ударившись левым плечом о грунт, он убрал из-под нее руки. Последнее, что он увидел – удивленные серые глаза женщины, устремленные на него...

Он резко очнулся, как от толчка. О стекло билась теперь только одна муха; куда делась вторая, было непонятно. Со стороны соседа слышалось снова жужжание, но негромкое: это работал погружной насос. Сосед, по всей видимости, поливал цветы...

– Что это такое было? – проговорил вслух Михаил Георгиевич. – К чему это?..

Он присел на кровати. Потер ладонями шею и голову, повертел ей, разогревая шейные позвонки. Посмотрев на настенные часы, обнаружил, что спал почти час... Он поднялся, не переставая думать о только что произошедшем с ним во сне; затем пошел за водой, чтобы согреть воду для чая.

...Ровно через два дня достаточно случайно он обнаружил в сети сообщение. «Неслышанное дело! – восклицал в экран молодой конопушный парняга-блогер. – Под Ростовом при выполнении обычных тренировочных прыжков парашютистка приземлилась с нераскрывшимся парашютом! Она грохнулась с высоты 1200 метров, но не просто осталась жива. Ничего, кроме вывиха левого плеча, у нее нет. Ни единой царапины! И что скажут наши высоколобые учёные, доктора? И что скажут священники?.. Как вам новостишка? Не переключайтесь! Хотя круче этого уже не будет...»

К сообщению была добавлена фотография молодой женщины, лет тридцати, с немного печальным, внимательным взглядом серых глаз.

Михаил Георгиевич сразу же узнал ее. Это была она – та самая парашютистка...

Глава 1

Звонок раздался в момент не самый подходящий: он только разложил на движущейся ленте перед глазком считывателя покупки и уже хотел приложить ладонь к биосканеру, чтобы с его счета списалась сумма покупок; в это момент Андрей и увидел на экране айфона лицо неизвестной женщины с собранными в пучок волосами.

– Простите, Андрей Викторович? Маранов? – спросил энергичный женский голос.

– Да... Это я, – насторожился Андрей и не мог понять, отчего у него внутри все сильно напряглось. «Налоговая полиция...» – мелькнула мысль.

– Андрей Викторович, с вами сейчас будет говорить... Сергей Валерьевич Падин... Вам, вероятно, знакомо это имя?

«Вот оно!» – мелькнуло в голове. У Андрея перед глазами всплыл образ известного олигарха – высокого мужика с холодными стальными глазами. Он понял, что это есть проявление того напряжения, что он улавливал в пространстве все последние дни. Внутренне сжался и собрался.

Он нажал кнопку на блок-менеджере, и переключил сигнал на айфон. «Здесь и сейчас!» – послал он в сознание привычную установку. – «Здесь и сейчас»... Сознание тотчас свернулось в пульсирующий, огненный фрактал, который моментально связал его с реальностью гибкими светоносными струями.

– Да, безусловно... Знаю, разумеется, – ответил он, отходя от сектора расчетов.

– Вы сейчас готовы говорить? Вам удобно разговаривать?

Энергично-цепкий, отстроенный тысячами подобных звонков голос секретарши Падина, словно въедливый цепень, вонзился в него.

– В принципе, да... Но мне нужно секунд тридцать... Я в магазине.

Секретарша, разумеется, слышала шум и поняла, что он в людном месте. Но она также уловила, что Андрей осознает значение разговора; понимает, что его нельзя откладывать на потом; что вынуждать ее делать повторный звонок не стоит.

– Хорошо. Я не отключаюсь... Вы отзовитесь, когда будете готовы к разговору.

– Договорились...

Андрей схватил корзинку с продуктами и быстро прошел в дальний угол супермаркета. Время было дневное, народу мало. Он приткнулся у стеллажей с бакалеей, и несколько секунд лихорадочно размышлял: «Зачем я ему нужен? Откуда он знает про меня?» Но тут же понял, что ответить на этот вопрос сразу не может. Однако в нем четко возникло осознание значимости момента. «Это и есть точка переключения стрелок, – сверкнула мысль. – Это имеет отношение к главной задаче. Не оплошай!» Он посмотрел в мониторчик айфона и зафиксировал дату и время: 14.10.2028... 15:17. Начался отсчет...

Он выдохнул и проговорил уверенно в свой серенький «Segate»:

– Я готов к разговору. Можете соединять.

– Поняла вас, – ответила она и тут же пошла мелодия соединения – вечная тема из «Крестного отца». Затем он услышал:

– Сергей Валерьевич, я связалась с Марановым, как вы просили. Будете говорить?

– Да. Соединяйте.

После этого прошло не более пяти секунд, после чего Андрей увидел на айфоне лицо, знакомое по телепередачам:

– Андрей Викторович?

– Да, Сергей Валерьевич... Слушаю вас внимательно... Чем могла заинтересовать вас... моя скромная персона?

Падин хмыкнул удовлетворенно:

– Все очень относительно, Андрей Викторович. Сегодня скромная, завтра, глядишь, на гребне... Вообще-то у нас неправильно употребляют это слово ...Скромность – ведь это о другом?

– Течение жизни вносит коррективы, – отозвался Андрей, – семантика – довольно мобильная система. Вы заметная фигура, я – нет. Обычно заметные фигуры интересуются только заметными.

– Логично...

Падин сделал паузу. Он явно оценивал уровень игрока на другом конце невидимого провода. Андрей видел, как пристально, цепко он вглядывается в него с экранчика.

– Есть разговор, Андрей Викторович. Вы сейчас в Москве?

– Да.

– Можете подъехать ко мне в офис завтра?

Андрей моментально прозвонил завтрашний день – вторник; у него не назначено ничего существенного. В риелторском офисе нет совещаний, подписаний договоров тоже нет. Даже и если б и были – тут и думать нечего...

– Я в принципе не представляю, что меня могло бы заставить отложить такую встречу, – деликатно отвечал Андрей. – Назначайте время, Сергей Валерьевич... Я подстроюсь.

– Тогда в районе трех дня я вас жду у себя... Я переключаю вас на Эмму, моего секретаря. Она подскажет, как нас найти, и закажет пропуск.

– Что и говорить, заинтригован... До встречи, Сергей Валерьевич!

– До встречи, Андрей Викторович.

Вновь зазвучал в мобильнике голос секретарши. В ситуации напряжения адрес офиса ярко записался на каком-то табло внутри сознания Андрея, и все же он затем проговорил на регистратор; адрес тут же высветился на дисплее.

Он вышел из магазина почти пустой. Молоко и творог оставил в молочном отделе. Зафиксировал задумчиво на регистраторе только хлеб, ветчину и сыр.

На улице на него налетел порыв упругого и сырого октябрьского ветра. Было хмуро, как почти всегда в Москве в это время. Листья тяжело елозили по асфальту, застревая в холодных лужах, размокая и замирая. На проспекте Мира шел сплошной поток серых машин, управляемых автопилотами. Разноцветные машинки, управляемые людьми, были отличимы по нестандартной ухарской езде. Теперь общий прерывистый гул почему-то давил ему на мозги. Он ушел с проспекта в переулки, и двинулся вглубь жилого массива.

Он пытался понять, с чем связан этот звонок. Ясно, что это не имело никакого отношения к его риелторской работе – ни с какой стороны это не могло заинтересовать Падина. Крупные сделки большого масштаба их небольшое агентство не вело. Может быть, какие-то общие знакомые? Но в какой связи?

Он шел, недоумевая. Проходя мимо одного из дворов, он услышал буханье мяча, крики мальчишек. Звуки улетали в пространство, отражались от стен дворового колодца, обрастали резонансом, реверберировали. За сетчатой оградой располагалась стандартная коробка, какие в последние годы во множестве понастроил во дворах новый мэр. Он уже проходил ее, но вдруг услышал громкий крик мальчишки:

– Ну ты и козел, Андрюха!

У него в мозгу так и вспыхнуло что-то... «Во как! – усмехнулся он про себя. – Ничего плохого не сделал, а уже козел...»

И тут же тяжелый серый мяч бухнулся прямо перед ним на мостовую и покатился куда-то вниз... Через мгновение появился и мальчуган в синей ветровке и белых кроссовках, который помчался догонять мяч.

Андрей тупо смотрел на катившуюся перед ним черно-белую сферу.

– Футбол!

Понимание пронзило его настолько резко, что он произнес это слово вслух. Пацаны, стоявшие у сетки внутри площадки, остановились, глянули на него.

– Я мог заинтересовать его только футболом, – уже негромко проговорил он, и двинулся дальше.

Дома он первым делом включил компьютер и вошел в сеть. Ему надо было получить о Падине как можно больше информации.

Замелькали окошки, столбики, галереи видео. Вскоре все стало ясно.

Вот Падин где-то открывает какой-то футбольный турнир, им же организованный и профинансированный. Девушки дарят цветы, он фотографируется с какой-то командой. Вот он сам на поле с мячом, в белой футболке, рядом какие-то немолодые футболисты – видно, корпо-

ративная команда или что-то в этом роде. Вот ведущая какой-то телепрограммы сообщает, что известный олигарх Падин заявил свои претензии на футбольный клуб «Монако»... Информация о сделке... Сделка не состоялась...

Андрей откинулся на своем компьютерном кресле назад и произнес, ероша волосы:

– Конечно, футбол... Что же еще? Только почему я?..

Глава 2

Магистр стоял на высоком обрыве и смотрел вдаль. Океан простирался перед ним в сизоватую пространственную длительность, которая, как казалось, не могла иметь предела. Волны работали точно метрономом, словно бы отсчитывая прошедшие века.

«Ничего... Уже хорошо, что хотя бы малая часть этой планетки под нашим контролем», – вдруг пришла ему в голову странная мысль, и он озвучил ее. И тут же рассмеялся ей, чуть хрипло произнес в пустоту: «Ты что-то начал быстро глупеть, барон Виндинг-Бронс... Раз тебе в голову забредают такие мысли, значит, ты не намного умнее тех идиотов, что соревновались с Богом до тебя...»

Из-под этой легкой мысли тут же вынырнула другая, давящая. Его беспокоила сегодняшняя работа. Он снова открыл на планшете нужный файл... Текст от Моргентоу, мастера центральной ложи, был странным. «Обратите внимание на письмо, что вам доставят сегодня, – сказал он жестко. – К исполнению обязательно...»

В письме оказалось задание провести атаку на китайского премьера Лэй Сяотина. Никогда не было до этого таких требований. «Что они там затевают? – тревожно размышлял магистр. – И почему мы, а не седьмая ложа? Китай – это их зона ответственности...» Видимо, новый китайский премьер серьезно путал карты финансовым воротилам с Уолл-стрит. После катастрофы на Севере Китая, что произошла четыре года назад, они им мало занимались, а теперь вот снова...

Он посмотрел на свои сандалии – они уже были небезупречны: с одной стороны шов начал чуть заметно расходиться. Рыжеватые редкие волосы на его худых ногах уже заметно седали.

– Вот тебе, барон, метки времени. На лобке уже давно седые. Скоро тебе переправляться, готовься. А ты все о своем величии. Смешной ты человек!

Он рассмеялся, и пошел вниз по узкой крутой тропинке, спускавшейся к пляжам. Справа от себя, в нише под скалистым отвесом, он заметил нудистов. Четыре женщины и три мужчины, загорелые, веселые, пили пиво и болтали. Один из мужчин массировал худощавую блондинку, налегая на ее тощенькие ягодички.

«Вот, магистр! Посмотри на счастливых людей! Зачем ты хочешь их осчастливить еще более? Разве им это нужно? И зачем тебе власть над ними, когда ты уже не можешь осчастливить себя?»

Подойдя к задним воротам обители, магистр достал телефон и нажал одну кнопку. Калитка отворилась тихо и бесшумно, и он вошел. Откуда ни возьмись возникли два человека из Стражи и последовали за ним. Однако он даже не посмотрел на них. Они пошли втроем вдоль малой аллеи в сторону Цитадели, переходя из пятен солнца в неровные тени, которые отбрасывали могучие секвойи. Некоторым из этих деревьев было более 300 лет. Аккуратно подстриженный кустарник стеной возвышался с другой стороны, полностью закрывая проходящих от чьих-либо взоров.

При выходе на главную аллею к нему приблизился еще один человек Стражи. Именно он открыл дверь лимузина, и магистр сел в него.

Водителю не надо было ничего говорить. Он знал, что двигаться ему надо только тогда, он услышит тихий костяной звук удара трости о перламутровую ручку двери.

Магистр любил переходить из пространства в жизни в пространство магии. Не он вышколил этих людей, которые беззаветно служили Братству Обновления уже много лет, помогали ему набирать силу, приближаться к тому уровню власти, на котором они могли бы составить конкуренцию тому Ордену, который властвует тут уже несколько столетий. Он знал, что

это были дети и внуки тех Мастеров, которые проводили те же идеи с давних времен, и для которых служение во имя этих идей и целей было не делом заработка или работой, а делом жизни, ее главным смыслом.

Он спустился в нижнюю залу ровно в 16:00, как и было назначено. Его шаги по ступеням привычно отдавались под гулкими сводами, и ни один звук более в этом пространстве не возникал.

В назначенный час все двенадцать магов сидели на своих местах. Магистр любил ту особую атмосферу, которая возникала в обрядовом зале ложи всегда перед большой работой. Тщательно откондиционированный воздух насыщался словно бы неким странным электричеством. Магистр видел пространство залы ячеистым, состоящим из миллиардов мелких кубиков, плотно прилежащих друг к другу и соединенных энергетическими токами. Казалось, что стоит дать какой-то импульс, и в пространстве возникнет объемная голограмма чего-то, и можно будет смотреть то ли объемный фильм, то ли вещание инопланетной телестудии.

Те двенадцать, что ждали его, стояли в разных местах залы молча, изредка вяло перемещаясь. Когда он сел за свое место за овальным, черного дерева столом, украшенным пентаграммами и магическими знаками Братства; когда его длинные седые волосы впечатались в высокую спинку центрального кресла; когда раздался костяной звук его жезла, – только тогда они молча двинулись к своим местам, слегка шаркая ногами, поблескивая лакированными туфлями, и быстро расселись.

По знаку магистра один из служителей нажал кнопку пульта, ниша на потолке раскрылась, оттуда выпорхнул золотистый лучик, и в пространстве кубической залы, прямо в центре, возникла голограмма планеты Земля с рельефным изображением гор, мерцающими пространствами океанов, кристаллическими вспученностями крупных городов. Голографический глобус мягко светился едва заметным синеватым сиянием.

Магистр подождал, когда за служителем закроются массивные двери черного дерева, украшенные вензелями с магической символикой. Затем он указал жезлом на пустующее место справа от него.

– Почему отсутствует мистер Паулино?

Встал седовласый англиканский викарий Сидеро, сидевший рядом с пустующим местом.

– Сэр, господин Паулино перенес инсульт.

– Когда это случилось?

– Два дня назад. Второе лицо ложи не имеет полномочий заменить его на совете центральной ложи.

– Это мне известно. Есть ли следы воздействия или это просто болезнь? Заключение врачей?

– Есть все основания говорить, что было воздействие. Не случайно был выбран день. Солнце стояло в квинконсе к его Сатурну. Кроме того, была минимальная дистанция до даты его рождения, когда идет спад общей физиологической активности. Расчет удара вполне возможен.

– Нажимал ли сэр Паулино кнопку «аларм»?

– Нет!

Магистр резко ударил жезлом по столу. Лицо его побагровело.

– Я ведь предупреждал каждого из вас: при малейшем подозрении на удар нажимайте кнопку! Значение каждого из вас слишком велико! Нужно не менее двадцати лет, чтобы подготовить такого адепта! Вы должны помнить, что, если кто-то из людей Внутреннего Круга нажал кнопку, надо бросать все, все занятия, все дела, все разговоры! Мать умирает? Отец умирает? Сын умирает? Пусть! Никуда не уйти от этого! Но наша работа – она для всех! Она – за всех! Мы выстраиваем новый порядок для мира, не забывайте об этом! За каждую ошибку мы отвечаем не здесь. Мы отвечаем там!

Он поднял указательный палец вверх и сделал паузу.

– Перед Ними!.. Надо соединяться, налаживать моментально связь друг с другом и с Кругом. Надо сразу же наносить удары возмездия!

Наступило молчание. Магистр размышлял недолго. Сообщение об атаке на его ближайшего соратника, что и говорить, неприятно задело его. Он медленно вглядывался в лица магов, ожидавших его решения. Пауза длилась недолго.

– Заявленную программу придется изменить, – произнес магистр. – Как вы знаете, планировалась работа по китайскому премьеру. Перенесем ее на вечер. Пока фантом не осел, надо попытаться найти того, кто бил по магистру Паулино. Мы не должны оставлять такие вещи без ответа.

В зале зазвучала величественная музыка, отчасти напоминавшая органную. Голограмма начала медленно вращаться. Возникли четкие разноцветные фракталы, а затем оконтурились и отдельные страны, причем каждая из крупных имела свой особый оттенок.

– Совмещаем географическую проекцию с астральной, – немного торжественно произнес магистр. – Нам предстоит обнаружить в этом пространстве интересующего нас человека. Если магистр Паулино не ошибся, значит, нам нужна Россия.

– Сэр, это могло быть эпизодическое воздействие, – заметил викарий Сидеро. – Это группа магов. Или какая-то отдельная фигура, совершенно новая. Один раз во время сканирования зоны возникло ощущение сильного очагового противодействия. Но при направлении концентрированного посыла источник моментально свернул активность и полностью исчез.

– Сконцентрируйтесь еще раз на этом источнике. Ключ – образ магистра Паулино. Смотрим по фантому, что там за привязки. След должен быть горячий.

Глаза некоторых магов были полуоткрыты. Трое смотрели перед собой остановившимся, стеклянным взором. Двое сидели с закрытыми глазами.

– Я вижу объект, – вдруг произнес Пиранелли, итальянец, немного тучный человек с большой залысиной. – Я вижу острые здания. Я вижу...

– Это Кремль... Это Москва, – четко сказал магистр. – Я хорошо вижу улицу...

– Я вижу объект, – тихо произнес маленький сухонький человек в темных очках. – Я вижу человека. Белая голова... Объект защищен. Брешей нет.

– У него борода... Объект защищен, – подтвердил Степлтон, сухой высокий англичанин с седой, зачесанной назад шевелюрой. – Брешей не вижу.

– Защита обычная, – произнес магистр. – Стекло. Возможно, добавление свинца. Толщину дали... сантиметров десять...

– Может быть второй слой, – заметил хмурый субъект с черной рукой-протезом, потомственный французский аристократ Вернье.

– Надо взламывать, – прохрипел Пиранелли. – Чем будем?

– Господа, усилие, пожалуйста, образ, – медленно проговорил магистр. – Он пока неустойчивый. Прошу вас, усилие движение энергии, зафиксируйте образ.

Несколько минут прошли в полной тишине. Затем заговорил Бачински, маг польского происхождения, среднего роста, ладный мужчина лет 45, с плохим английским выговором.

– Фантом становится хорошо виден. Это мужчина... Я вижу свечение...

– Это вы бросьте, Андреас, – заметил холодно магистр. – Вам вечно святые мерещатся... Нормальный маг...

– Со спины трещина, что ли... – заметил Степлтон. – Идет наискось полоса. Что это? О чем это?

– Это защитный пробой. Эта шрам в ауре. Можно попробовать. Чем будем? – торопился Пиранелли.

– Подключаемся к вихрю Бафомет, – сказал магистр, беря в руки свой жезл и поднимая его перед собой. Голос его стал жестким, резким. Он негромко, но с особым, несколько воинственно-агрессивным посылом стал бросать слова в зал.

– Я чувствую силу Бафомета! – воскликнул Пиранелли.

– Мы ощущаем присутствие Бафомета, – подтвердил Бачински.

– Сформируем Меч Силы, – провозгласил торжественно магистр. – Меч багрового пламени! Меч наших предков. Меч воителей Истины! Меч Воинов духа! Меч великого Братства мудрецов...

Прошло несколько минут.

– Меч внесен, – произнес Степлтон.

– Меч здесь. Магистр, берите меч...

Жезл в правой руке магистра задрожал – таково было напряжение мага.

– Дайте багровое пламя! – прохрипел магистр.

– Мы возжигаем пламя, магистр... На алтаре мудрости, власти и справедливости.

– Вижу пламя...

– Дайте больше пламени, – жестко сказал магистр... – Вижу... Окунаю меч...

– Магистр, наносите удар в район шрама... Поверьте, там что-то не так.

– Я вижу...

– Все желтое. Аура желтая...

Наступила тишина. Было слышно, как далеко гудит кондиционер. Глухой стук от закрывшейся где-то двери также был слышен, но более ничего. Только неровное дыхание двенадцати мужчин.

– Магистр, помочь вам поднять меч? – тихо спросил Пиранелли.

– Помогите. Меч тяжел! Просто невозможно как тяжел... Не понимаю...

– Поднимаем! Мы поднимаем, магистр, не волнуйтесь! Ваше дело правильно нанести удар...

– Чувствую помощь Бафомета... Благодарю... Главное, все делать вместе... Заношу меч... Занес меч...

– Выше, господин магистр, – прохрипел Вернье, тяжело дыша. – Выше! Удар нужен с натягом! Замах больше! Так! Бейте! Бейте, магистр!..

Вернье аж привстал, стукнув о стол протезом. Кто-то из магов издавал странный тягучий гул. Пиранелли покачивался с закрытыми глазами.

– Магистр, бейте! – резко крикнул Степлтон. – Пора!

Что-то произошло – будто вспорхнула птица. Магистр выдохнул и опустил жезл. Голову опустил вниз.

– Так... Так... – Степлтон, не открывая глаз, пытался комментировать. – Защита частично расшита.

– Удар прошел. Прорыв есть...

– Доставайте пику... – приказал магистр. – Наносите удар в сердце.

– Магистр, там второй слой, – негромко сказал Пиранелли. – Там панцирь. Черт... Типа как у рыцарей. Кольчуга.

– Это металл, – подтвердил Степлтон.

– Этого следовало ожидать, – подтвердил Бачински. – Я говорил.

Магистр смотрел перед собой невидящими глазами.

– Да, разумеется. Может быть и третий уровень защиты...

– Господа, железо – простой материал, – прохрипел Степлтон. – Надо вскрывать.

Магистр снова вытянул перед собой жезл, и начал давать команды твердым голосом без окраса:

– Достаем дрель... Диаметр сверла – 28 миллиметров. Сверлите отверстия в районе груди...

– Дрель... Электрическая?

– Какой век сейчас, Джузеппе? Может, еще ручную пилу достанем? – пошутил Бачински.

– Без шуток, господа... Вводите дрель. Давайте обороты. Резко вводите дрель! – почти кричал магистр. – Не тяните!

– Они зашивают, – подтвердил Пиранелли. – Они нас обнаружили.

– Было бы странно, если п-пы это бил нэтак, – заметил швед Сандерс, акцент которого вдруг усилился.

– Степлтон, поставьте общую защиту на помещение, – приказал магистр.

– Вернье, помогите ему. Джузеппе, держите дрель. Работайте. Вы будете держать дрель.

– Кто дает обороты? – спросил Пиранелли.

– Я даю, – подтвердил Сандерс. – Я дам хороший... обороты!

– Обороты есть, – кивнул Пиранелли.

– Бачинский, помогите поднять меч, – крикнул магистр.

– Держу! – последовал ответ. – Удар! Наносите удар!

– Работаем! – хрипло прокричал магистр.

Одиннадцать магов учащенно, шумно дышали. Свечи горели неровно, оплывая черным нагаром. Нависла зловещая тяжелая тишина. Но вскоре последовал выдох.

– Удар вышел скользкий, – заметил Пиранелли.

– Ничего подобного, – возразил магистр. – Удар хороший! Я расширил щель. Сверлите грудь!

– Молоток! Долото! – вскричал Степлтон. – Есть отверстие!

– Вскрываю железо! – в запале орал Пиранелли. – Я открою его! Я достану тебя!

Пиранелли входил в раж.

– Магистр, нас атакуют, – коротко крикнул Вернье.

– Есть ответное воздействие, магистр. Пока терпимое, – подтвердил Степлтон.

– Надо дожать! Держите защиту! – произнес магистр, тяжело дыша. – Джузеппе, видите ли вы тело?

– Там одежды клок... И тела не вижу. Возможно, под одеждой ничего нет.

– Пику! – вскричал магистр. – Пику мне!

– Даю пику! – вскричал Пиранелли.

– Держу пику, – хмуро бросил Степлтон.

– Яд! Дайте яд! – хрипел Вернье.

– Я подношу чашу. Это хороший яд! Это цикута.

– Все желтое! Опять все желтое! Чер-рт!

– Макайте пику, – кричал Пиранелли. – Магистр, опустите острие! Ниже!

– Есть, – тихо сказал магистр. – Яд на острие!

– Бейте в сердце, магистр! – спокойно и холодно возгласил Пиранелли. – Да не дрогнет ваша рука!

Наступило молчание, затем выдох магистра. Он опустил жезл. Тело его содрогнулось.

– Что происходит? – прошептал Вернье. – Прошел ли удар? Я ничего не вижу.

– Они пустили дым, – заключил Степлтон. – Они все закрыли дымом!

– Прошел встречный удар от троих сильных, – заметил Бачински задумчиво. – Куда ушел удар? Я увел от себя. Куда ушел удар?

– Магистр, вы в порядке? – обратился к магистру Пиранелли.

Однако магистр не отвечал. Он молча раскачивался в кресле.

– Магистр?.. – Пиранелли привстал в кресле, наклоняясь в сторону магистра. Но тот остановил его движение и покачал головой, затем выставил вперед руку – мол, подождите, все в порядке. Затем он открыл глаза.

– Я ударил... Удар был достойный... Но я не видел крови. Пику толкнули на меня. Я не понял, каким образом... Кто-то толкнул на меня.

– Идет удар, – опять резко вскрикнул Вернье.

– Держим защиту! – громко крикнул магистр.

– Материал? – спросил Пиранелли.

– Ставим чугун. Чугун или гранит. Толщина – около двадцати сантиметров.

– Ответный удар идет! – вдруг вскрикнул Степлтон. – Ставьте все индивидуальную защиту.

На несколько минут все стихло.

– Защита держит, – заметил Степлтон.

– Мне плохо, – тихо сказал Вернье. – Врача...

Магистр вскочил.

– Бачински, Пиранелли, держите защиту. Степлтон, помогите поднять Вернье...

Втроем они помогли было подняться французу, однако тот обмяк у них в руках. Магистр вызвал служителей. Рослые мужчины в черном подняли Вернье и унесли в прихожую, положили на диван. Тот был бледен. Глаза ввалились, зрачки блуждали. Пот на лбу выступил мелкими желтыми пятнышками.

– Срочно бригаду медиков! – приказал магистр. – Работу заканчиваем. Ставим защиту на отход.

Отойдя от Вернье, магистр поднялся на лифте наверх, на пятый этаж, вышел на балкон. Город накрывала ровным розовым пламенем вечерняя заря, поднимавшаяся над океаном. Сам же он огромной тушей лежал почти недвижимо, нежась в лучах позднего солнца. На душе у магистра была пустота и горечь, и также плохо сдерживаемый гнев. Некоторое время он стоял и смотрел на голубеющий вдали океан. Внизу появилась белая машина медицинской бригады. Магистр увидел бледного Вернье, которого подняли на ноги и с трудом втащили в машину. Та шумнула мотором и очень быстро уехала.

«Черт знает, что там за звери, – подумал магистр, и двинулся к лифту. – Сотни лет душим, и все живут... Еще огрызаются...»

Предчувствие новых тяжелых схваток тяжело внедрилось в его и без того угнетенное, подавленное, ущемленное сознание.

Глава 3

Михаил Георгиевич два последних дня сентября провел в непрерывной медитации. Он чувствовал, что предстоит сильное напряжение. Ему нужно было восстановить внутреннее спокойствие, подавить возникшую тревожность. Главное, что его беспокоило – периодически возникавшее сканирующее воздействие из очень сильного источника. Однако когда он попытался позднее разглядеть, прощупать, где источник воздействия, он наткнулся на основательную, очень прочную защиту. Вибрирующий кокон пытался накрыть его, невидимые глаза прощупывали его со всех сторон, и ему надо было быстро сворачиваться в точку, исчезать с этого плана, возвращаться в тело.

Он думал вначале, что это инопланетники. Но он хорошо знал, что с ними-то как раз бороться бессмысленно, и лучше просто расслабиться, полностью предоставить себя в их распоряжение – они сами решат, как поступить. То был недостижимый уровень – люди планеты Земля для большей части их групп были чем-то вроде тараканов. Статус и особенности тонких полей инопланетников вибрационно относились к совершенно иной категории, невозможной для землян; потому они могли установить управляющее воздействие в отношении практически любого из земных людей. Они не имели возможности сделать это лишь с теми немногими, кто ранее также появлялся в трехмерном мире в физических телах, но со временем радикально опередил других эволюционно, переместив свое сознание в тонкие тела, после чего появление в теле физическом для них перестало быть необходимостью. Теперь эти бывшие люди являлись Духовными Водителями человечества и составляли духовный центр планеты и земной цивилизации. Для любых инопланетников у них был статус неприкасаемых, так как Водителей курировал Коалиционный Отряд Наблюдателей, высочайшая инстанция ближайшей к земле космической зоны.

Михаил Георгиевич Берестов знал все это от Учителя, который периодически появлялся в физическом теле, собирая в своем гималайском ашраме избранных учеников. Уходя же, он сохранял связь с телом, поддерживая в нем жизненность уже более семи сотен земных лет. Он перемещал в это тело сознание приблизительно раз в десять-двенадцать лет. За это время у него появлялась потребность сообщить участникам ашрамной цепи некие новые уложения, касающиеся перспектив развития цивилизации, и поставить новые задачи перед ашрамной цепью.

Михаил Георгиевич видел его всего лишь два раза. Когда состоится очередное его появление, никто из *чела* не знал; но Михаил Георгиевич чувствовал, что это произойдет относительно скоро. Дело было даже не в том, что Чохан не появлялся в теле уже более семи лет; просто за год-два до его появления от него, пребывающего в высоких слоях Тонкого Мира, начинала просачиваться на земной уровень некая тонкая вибрация, которую с безошибочной точностью улавливали его ученики. И по мере приближения Чохана к временному возвращению в тело она становилась все осязательнее.

Примерно за месяц до прихода Чохана никто из *чела* уже не мог заниматься ни чем иным, как пребывать в медитациях и проводить суровые чистки физического и тонких тел. Ученики прекрасно знали, что загрязненность одного из *чел* может затруднить взаимодействие Чохана со всеми сразу. И хотя он мог, не входя в тело, через тонкие планы просмотреть каждого из *чел*, он не отказывал во встрече даже не вполне прочистившимся ученикам, которые однажды уже находились рядом с ним, в приближении.

Михаил Георгиевич, один из двух российских *чела*, допускаемых на встречи с Чоханом, имел в этом крайне узком кругу имя *Свами Аннуварсат*. Именно по коду, связанному с этим именем, он мог периодически выходить на связь с другими *чела* – теми, кто медитировал в гималайских и тибетских ашрамах или просто пребывал в горных пещерах, выполняя практики

и необходимую работу на тонких планах. Мир продолжал бесноваться, периодически подходя к опасным граням. Прихваченных простыми инстинктами кукол в виде президентов стран, премьер-министров, крупных политиков и бизнесменов постоянно дергали за нити управления группы темных медиумов, обуреваемые желанием контролировать весь трехмерный слой планеты. Труженикам ашрамной цепи постоянно приходилось гасить опасные наводки медиумов, способных ухватывать лишь маленькие узелки тех грандиозных взаимосвязей, что управляли сложнейшей механикой планетарного космоса. При этом чела не имели права наносить жесткий урон темным магам, подводя их к развоплощению. Чела не могли нарушить закон, введенный с базовые семантические поля этой зоны Вселенной: закон свободной воли. Потому эта игра уровней все длилась и длилась, и конца ей видно не было; человечество оставалось большим ребенком, и прогрессировало крайне медленно.

Анализируя характер воздействия, оказанного на него издали, Михаил Георгиевич понял, что воздействие шло все же от людей, а не инопланетников; что работали просто сильные маги. Позднее, еще в мае, его ближайший соратник по общине Велимудр догадку эту подтвердил. Более того, он сообщил, что неизвестная группа попыталась расколоть орех защиты вокруг государственного центра, нанести удар по первому лицу. Тогда была проведена серьезная работа; в итоге неизвестная группа на время исчезла. Велимудр был уверен, что это англо-саксы... Возникло предположение, что Денверскую гиперкатастрофу 2-го года ряд американских тайных орденов справедливо посчитали расплатой за катастрофу северокитайскую, устроенную американскими технологическими концернами искусственно. Многие из сильных магов, работавших на США, были против таких воздействий, предполагая, что существуют силы, способные провести «удар расплаты». 35 миллионов китайцев, погибших в районе Гуайяна, многих магов отрезвили. Никто ранее не ощущал энергетики, подобной возникшему после этого удара, по своему ужасающему депрессивному давлению на общее пси-поле цивилизации. Волна тотального ужаса, что сконденсировалась в результате мгновенного развоплощения такого количества людей, потрясла всю землю, все народы, породив даже вихри безумия среди менее цивилизованных южных народов. Люди как-то подкожно, почти бессознательно ощутили, что такое всеобщая гибель; что между голливудскими ужастиками и реальностью просто нет ничего общего.

Как предполагал Велемудр, многие маги, работавшие в тайных ложах Европы и Америки, не могли не понять, что Америка заигралась и получила заслуженную обратку; они теперь могли попытаться стать «хорошими». После того как серией чудовищной мощи торнадо и землетрясений были буквально стерты с лица земли Денвер, Санта-Фе и Альбукерка, опустошена, завалена и сожжена вся огромная зона вокруг них, эти маги наверняка пересмотрели взгляд на глобальную геополитику и возможность использовать геофизическое оружие большой мощности. Они вполне могли создать какие-то новые ордена и попытаться перехватить власть у заигравшихся иллюминатов.

Теперь, возможно, новые ложи пытались усилиться, и прощупывали конкурентов в зонах работы влиятельных эгрегоров.

...В тот тяжелый день Михаил Георгиевич поехал в центр города, чтобы купить в проверенном магазине экологически чистые продукты. Атака на него была внезапной; она началась прямо на улице. Первый же удар едва не сбил его с ног. Мощная горячая стрела была послана в район печени. Берестов тут же поставил защиту: стеклянно-свинцовый панцирь на сердце, на голову, на печень; но нападавшие находили слабые места и пробивали ее. Он шел по улице, и его качало; вероятно, прохожие думали, что он пьян.

Один из ударов вызвал резкую боль в сердце, холодную испарину, страх – это были явные признаки приближавшегося инфаркта.

Тогда он ринулся в метро. Новые удары шли в район сердца и в голову. Он видел, что в него вонзаются пики с огненными наконечниками, посланные с особой злобой и концентрацией энергии. Также было видно, что кто-то словно ножом режет его эфирное тело, вырывая клоки ауры. В висках стучало, началась сердечная аритмия.

Тогда он достал из-под рубашки, из-под куртки оберег. Образ Хранителя, древнего славянского волхва Радомира, возник перед ним и словно отодвинул, сместил куда-то в дымную хмарь города, шум городских человеко-потоков. Берестов сложил из пальцев защитную мудру и попросил помощи у Братства. Однако новый удар едва не лишил его сознания. Сердце то замирало, то вдруг спохватывалось. Это было очень опасно – он отдавал себе в этом отчет. И все же после мантры что-то изменилось. Возможно, включился родной эгрегор. Но Михаил Георгиевич знал, что эгрегор будет работать против эгрегора, стремясь подавить очаг, источник; личную защиту он должен формировать сам.

Он бежал к метро, едва не сшибая на ходу людей, держась воображаемой прямой линии. Удары настигали его, острая боль пронзала сердце. Лишь когда он сбежал вниз по эскалатору «Таганской» в самую глубину, втиснулся в переполненный пиковый вагон, воздействие стало ослабевать... Они теряли его из зоны видимости; он к тому же стал строить свои эфирные дубли.

На первом же перегоне Берестов поставил мощный защитный блок из свинцового панциря с зеркальным отражателем. Он напряг все силы, всю оставшуюся энергию. В вагоне сформировалось мощное поле магического напряжения. Вдруг стало плохо женщине – ее муж начал кричать в селектор для связи с машинистом. Ребенок и другая женщина почему-то выскочили из вагона на станции, как ошпаренные, словно спасаясь от чего-то. Всех в вагоне штормило, все непрерывно ходило с места на место, лихорадочно говорили, словно что-то ища.

Тогда он вышел из вагона и двинулся по залу «Павелецкой». Тех, кто шел ему навстречу, как бы сносило в сторону. Два человека внезапно упали. Он ринулся в конец зала, чтобы никого не травмировать, боясь, что кого-то выбросит под поезд...

Воздействие стихало. Его потеряли. Но кто это был, для него оставалось загадкой.

Дома он сел в позу «шавасана», зажег сандаловые палочки, свечи, аромалампу. Уже через два часа после начала медитации ему удалось остановить поток самопроизвольных мыслей, которые вбрасывало взбудораженное подсознание. Они теперь уже не выскакивали, как тени, из-за угла – разнообразные, неожиданные, болезненные; они попрятались и сидели тихо где-то на задворках основного сознания. Его мозг, как затихнувший ядерный реактор, пульсировал спокойно и мощно, по-прежнему собирая импульсы со всех частей тела. Михаил Георгиевич отчетливо видел натянутые струны своих нервных путей – они светились желтоватым сиянием, спокойно и ритмично пропуская электрические токи от органов, от систем, от всех частей тела. Ему стоило лишь сконцентрироваться, и он получал возможность рассмотреть, как от среднего пальца правой ноги по команде расслабления пробежал желтовато-красный импульс и растворился в районе спинного мозга. Все пальцы ног моментально расслабились.

Он перенес внимание на эндокринную систему – тут же высветилась мощным красным пучком щитовидка, напомнившая то ли горящую медузу, то ли сверкающую ламинарию. От нее шли упругие нити во всех стороны – к двум почкам, к желудку, к печени. Он вдруг увидел, что канал, идущий к поджелудочной, провис, ослаблен. «Вот тебе, дружочек, кусочек торта на телевидении», – тут же подумал он и начал натягивать эту нить. Она поддавалась не сразу, постепенно. Он подтянул обвисшие струны, тянувшиеся к надпочечникам, а также канала, шедшего к икроножной мышце левой ноги.

Весь организм светился, словно в разрезе. Он видел теперь каждую его часть, не переставая удивляться мастерству тех изумительных проектировщиков и конструкторов, которые создавали эти биомашинны, продумывая каждую мелочь, делая их жизнеспособными и пригод-

ными для заселения в них кристаллов монад – плазменных образований, способных интегрировать, вбирать в себя синтетический многомерный опыт воплощений.

У Михаила Георгиевича давно сложилось представление, что конструкторы и биотехнологи инопланетников наслаивали одну структуру к другой постепенно, а не замыслили все тело сразу, в целостности. Сначала они создали эту первоначальную цифровую сеть, соединенную с базовыми полями космоса. А затем уже стали делать механику: костяк на самообновляемых шарнирах со смазкой; нанизанные на костяк мышечные ткани. Затем вложили в этот корпус систему органов, которую разработали отдельно на каких-то моделях; затем подвели к этому конструкту питание в виде стройной и разветвленной системы энергоконцентраторов (чакр); подвели сеть энергоканалов с опорными точками, удерживающими вокруг себя эфирное поле. И лишь затем подсоединили центральный и периферийный процессоры – головной и спинной мозг. С ними же связали отдельно разработанную и, возможно, стандартную сеть нервных проводов, способную проводить электромагнитные импульсы.

Они наверняка проверяли работу биомашин на каких-то своих стендах, посылая импульсы по нервным волокнам, экспериментируя, проверяя, как работает головной мозг; вносили в его конструкцию коррективы, добавляя новые блоки. Только отработав все реакции самой машины, они подсоединили к нему собственно цифровую сеть. Как она проросла в тело, как взяла под контроль каждую клетку организма, казалось непостижимым, но это было сделано. Возникла цельная система, способная к самоосознаванию. После этого им оставалось только провести эксперименты с внедрением кристаллов монад, которые были до того пропущены в течение миллионов лет через системы растительного и животного царств. Отобрав наиболее развитые из них, они соединили их с биомашинами и их подсистемами.

Наверняка поначалу самосознание было неполным, поскольку центральный процессор (головной мозг) не мог обработать всю информацию, что шла от органов чувств и глубинной памяти монады. Тогда они приняли решение заблокировать часть глубинной памяти, чтобы человек не мог проникнуть в слои предшествующих существований, но остался полностью самоосознающим. Это был фантастический успех! Ведь на каждой из планет свои особые условия и создать самоосознающее существо, способное жить в физической конструкции, невероятно сложно.

Эти размышления начинали одолевать всякий раз после длительных медитаций, когда он был способен видеть самое себя изнутри, в чистом виде, без вмешательства своего произвольного и полного автоматических реакций внешнего «Я». И всякий раз он словно делал перезагрузку своих знаний и начинал понимать сложность всего этого устройства во все большем объеме.

На вторые сутки своего голодного и сухого погружения, когда он уже перестал даже выходить в туалет за ненадобностью, Берестов, наконец, получил возможность свободного фланирования в тонком теле в некоторых важных для него пространствах. Связь с Проводником была отчетлива; он позволил ему приблизиться к определенным слоям, связанным с эгрегором Северной Америки.

Тот, кто на физическом уровне являлся Берестовым, видел, словно в туманной многослойной буровой паутине, многообразные пространства, надстоящие над континентом, наполненные крайне интенсивной жизнью. Физический план страны и тонкомирная паутина были соединены тысячами пульсирующих нитей. Импульсы проходили как сверху вниз, так и в обратную сторону. От каждого импульса часть тумана приходила в движение подобно тому, как вода в весенней луже колеблется от подсоединения нового ручейка. Красноватые, желтые, а кое-где голубоватые свечения возникали и гасли. Физический план виделся ему точно так же, как при цейтраферной съемке: в ускоренном ритме, бешеной динамике. Верхний слой вре-

менного потока уходил куда-то за кадр, за край его взора. Нижний слой времени продвигался импульсивно, резко, ненамного опережая время пульсирующего физического слоя.

Высший аспект того, кто являлся тут Михаилом Георгиевичем, создал мыслеформу – желание увидеть источник той атаки, что была проведена на него месяц назад. И эта мыслеформа была подхвачена Проводником. Произошло мгновенное смещение курса, и вскоре он увидел под собой, будто из иллюминатора самолета, яркий мерцающий океан, а затем группу островов на нем. Таким образом, Проводник показал ему географическую точку. Это было почти так же, как на GPS-навигаторе. Но при приближении к одному из островов неизвестной гряды трехмерный слой исчез, и тогда он вдруг увидел оранжевый сгусток совсем рядом. От него вниз шел плотный поток свечения серебристо-сиреневого цвета. Пройдя по потоку, он увидел проекцию некоего здания с овальным кабинетом в самом низу. Только в проекции кабинет находился там, где должна была находиться крыша. Мысленным усилием он перевернул это изображение. На какой-то момент возникла такая картинка: группа людей в черных одинаковых накидках с белой вышивкой на левой стороне груди. Он попытался увидеть, что было отображено на нашивках. То был какой-то вензель, напоминавший средневековый символ. Однако в этот самый момент серебристо-лиловый сгусток вдруг развернулся, и словно бы увидел его. Он не имел глаз, но неким невидимым органом уловил присутствие чужого наблюдателя. Проводник моментально это отметил и начал уводить его дальше от этого эгрегора. Однако сгусток выбросил неровный корявый шлейф липкой энергии, словно пытаясь зацепить его... Проводник отсек шлейф от него. Тогда ведущий и ведомый ушли в какой-то промежуточный слой и там затерялись.

Однако напряжение от возникшей опасности что-то изменило в общем порядке вещей. Михаил Георгиевич уловил дыхание своего физического тела – это было неровное, тяжелое дыхание. В теле ощущалась тяжесть, особенно в районе сердца. К нему вернулась способность мыслить через физический мозг, и первой его мыслью была такая: насколько серьезной была опасность сближения с тем эгрегором над островами? Но ответа не последовало.

Он начал работать с телом, прощупывая каждую его часть по отдельности – ноги, грудь, живот. Вернувшаяся часть эфирной оболочки заполняла опустевшие лакуны, быстро запуская органы в рабочее состояние.

Через полчаса он открыл глаза. Уже потемневшее заоконье было в фокусе. Механика оперативного сознания соответствовала норме.

– Это они... – подумал он. – Это точно, они. Америка... Только кто?

Он пошел на кухню, чтобы включить чайник, и ударился плечом о косяк двери. Только тогда он полностью пришел в себя.

Глава 4

Ничего не было особенного в этом кабинете; все стандартно-роскошное и дорогое. Дорогие часы на подставке, дорогой прибор с дорогими ручками, все перламутровое, мерцающее, золотистое. Дорогое коричневое кресло, последней модели моноблок на столе. Все как надо. Ни портретов, ни книг – ничего лишнего.

Падин сел напротив. Андрей почувствовал, как время замерло, а потом понеслось – секунды затикали, запустился отсчет. Начался этюд с непредсказуемым финалом, и то, чем закончится разговор, зависело от обстоятельств и факторов, большей части которых Андрей не знал.

Михаил Георгиевич научил его методике Верховерна – Ширяева, и он ее давно применял во время особенно длинных и важных разговоров. Суть ее состояла в том, чтобы осуществлять по ходу разговора его мысленный «монтаж» в соответствии с основными дискурсами. Все, что происходило далее, весь этот длинный разговор гораздо позже выплывал из памяти Андрея законченными фрагментами. Одновременно с процессом воспроизведения возникал и образ Падина: то его стального цвета пронзительные глаза, то греческий профиль с зачесанными назад темными волосами, то немного искривлявшийся при разговоре рот, то длинная сигара, дымящаяся на столе.

Во время всего этого разговора Андрей видел плотный слой серовато-свинцовой энергии с различимым движением каких-то кранов, станков, тепловозов, еще чего-то громоздкого, железного. И все это окутывал некий желтоватый ореол, маняще-сладковатый, притягивающий. Андрей улавливал это своим изошренно-тонким восприятием. Он понял, что это – излучение больших финансов, целых массивов денег. Они как бы центрировались вокруг человека в сером костюме с такими же серыми глазами, внимательно смотревшем на него.

Фрагмент первый. Вводный

– Вы курите? – спросил Падин.

– Так, покуриваю... Когда возникает необходимость, – ответил, пожав плечами, Андрей.

– Какого рода необходимость?

Андрей замялся.

– Если я начну развивать эту тему... Уйдет много времени...

– А если коротко?

– Вы вряд ли знаете... Это один из арканов Таро... У бизнесменов вашего масштаба, я так думаю, времени на чтение не бывает...

Падин засмеялся.

– Ну, не такие уж мы тупые. Иногда почитываем. Хотя вы правы, времени едва хватает на главное... Как там Будду излагают... «Чем больше вещей, тем больше бремя»... Как-то так...

Маранов посмотрел на него удивленно и заметил:

– Вещей в мире накопилось слишком много... У кого-то их непременно будет больше, чем у других... У каждого своя программа...

– Вероятно... Ладно, надеюсь, у нас будет еще время поговорить и об этом, – ответил Падин.

Он склонился к столу и что-то пометил в ежедневнике. Маранов видел, что он нарисовал цифру 1, написал строчку. И тут Андрей увидел в стопке книг ту самую книжку Дмитрия Ширяева, где он описывал логические системы, а заодно расширил методику Верховерна.

– Надо же, как Ширяев в гору пошел. Даже олигархи его читают.

- О, вот как! И футбольные тренеры мозги тренируют!
- Да я еще и не тренер. Риелтор.
- А, ну да. Риелтору, кстати, положено.

Фрагмент 2. Определение темы

- По моим предположениям, я вас мог заинтересовать только одним... – начал Андрей.
- Это правда. И каковы предположения... ваши?
- Футбол?

Падин издал странный возглас удовлетворения типа «Гыых!» и сделал хлопок ладонями. Андрей понял, что попал.

- Садимся, – сказал Падин, делая приглашающий жест рукой.
- Они сели. Падин долго молчал, глядя перед собой. Потом заговорил.

– Вы знаете... Я давно приучил себя обращать внимание на людей, которые могут как-то нестандартно подойти к известным, вроде бы привычным вещам, на которые угол зрения установлен. Которые могут рассмотреть известный предмет под особым углом, понимаете?... Меня крайне заинтересовали два факта вашей биографии. Факт с тюрьмой особенно... Вы там создали команду – уже это заслуживает внимания. И эта команда эков обыграла команды каких-то охранных структур МВД... Приз какой-то взяла... Так?

- Как вы это раскопали? – поразился Андрей. – Это мельчайшее событие в мире футбола!
- У меня толковые помощники. Ловят не слова, а намерения.
- О-о! Таких найти непросто!

Фрагмент 3. Экскурсы

Падин:

- Вы были на войне...
- Да. Я был в Сирии. В 2016-м. Руководил подразделением. База Хмейним...
- Десант?
- Разведка. На Востоке это сложно.
- Ранения?

– Обошлось. Друзей терял. Пороха вкусил... Америкосы бомбили... Жесткая школа. Но не моя... Я потом решил демобилизоваться. Так не пускали!..

- И как же?

– Вот футбол-то и выручил. Я служил в Южном округе. Мы с генералом сразу поняли друг друга... Он болел футболом так же, как и я. Хотя он не понимал, что это такое по большому счету...

- Так... А что это ...по большому счету? Было бы интересно услышать...

Андрей задумался. Он знал весь объем темы и понимал, что сразу нельзя вываливать много. Надо сначала понять, чего он хочет... Возникла пауза.

– Это тема обширная... В самом общем виде футбол – это универсальная динамическая модель жизни...

- В каком смысле?

– В самом общем... Вот... Когда вы прорывались к воротам... Пардон... вас что, не били по ногам? Защитники за майку не хватали?

Падин расхохотался. Ему понравилось.

- О-о! Еще как хватали! Чуть трусы не срывали! По яйцам так пиз...ли!

– Догадываюсь! – улыбнулся Андрей, ничуть не удивившись его мату. – Но вы забили красивые голы!

- Есть такое... Но как вы выскочили из армии?
- Генерал продвинул в СКА Зауральск. Класс «А», вторая лига.
- И эту историю я знаю. Вы вышли в одну четвертую Кубка страны... Никто не ожидал...
- Да. Это был мой тулончик. Но меня подсекли. Развернуться не дали.
- В одной четвертой проиграли...
- Не я проиграл. Местная мафия решила прославить своего... Рокировку сделали: меня убрали, другого поставили. Я ведь в выражениях не стеснялся. Мешали – говорил. Хотите результата – дайте работать. Дайте брать людей, которые нужны. Мэру говорил. Бандитам говорил. Иногда да, грубовато. Невзлюбили они меня. Прежде всего за несговорчивость. Там же всем букмекеры заправляют. А я не пошел на договорняки. И парней отчислил, которые были готовы на это. Думал, без меня не обойдутся. Ошибся – обошлись. Только все продули. И команду, что я делал, загробили. Потом сами же жалели.
- Было еще выступление на Футбольном союзе...
- Да. Меня пригласили, когда в кубке продвинулся. Я все сказал как есть: что без понятия парней набирают, что тренируют неправильно, примитивно; понятия не имеет никто, как мотивировать. Говорил про власть букмекеров, про то, что вся система пронизана этим вирусом, что все боятся этой мафии; что футболисты ощущают себя куклами, пешками в игре ставок. И еще всякие вещи. Тоже не понравилось. Никому не понравилось. Вот меня и задвинули. Вообще вылетел из футбола...
- Тоскуете?
- Маранов вздохнул.
- Безусловно. Футбол такая вещь, которой можно посвятить жизнь. Я раздумывал, почему у него такой статус. Это ведь мировая игра.
- И какой вывод?
- Суть в коллективном преодолении. Для человека очень важно осознавать свою силу. Но и для народа важно. Мировая игра... она отвечает чему-то очень важному в человеке и даже в народе. И очень точно продуман инструментарий.
- Что вы имеете в виду?
- Ну, например, правила, соотношения. Двадцать в поле, два в воротах, три судьи. Штрафные, предупреждения. Все это символика... Я уж не говорю про гол. Его величество гол...
- А что тут такого? Гол – он и есть гол...
- Гол – это прокол... В энергозащите соперника. Это укол, результат энергетического давления. Pressure...
- Понимаю. Меня самого постоянно «pressure»... Ну да. Но это везде. И в теннисе... В хоккее...
- Групповая игра с мировым значением есть только одна.

Фрагмент 4. Предыдущие футбольные подвиги

Этот момент всплывал в памяти Андрея как бы из длинной паузы. Цепкий взгляд Падина словно впился в него, когда он расспрашивал его об этом. Падин догадывался о том, какой объем пережитого стоит за командой эков... О, понятно, как он заработал такие деньги! Он знал жизнь и людей. Андрей понял, что Падина он интересуется как крепкая личность. Он, видимо, подозревал в нем даже отсутствие страха смерти.

– Это ведь все же был лагерь, а не тюрьма, – отвечал Андрей. – Зэкам просто стало интересно. Они любят азартные игры... Я зэкам был не нужен, им наказал Болт. Видно, сыграл с кем-то на мою голову...

– Кто?

– Ну, типа пахан. У него над койкой висел большой болт... железнодорожный.

– Это... их генерал?

– Ну да. Мое дело было их втянуть, скомпоновать и научить...

– А сколько времени вы готовили военную команду?

– Четыре месяца.

– Всего-то?.. М-да... Это... понимаю... Почти невероятно, – Падин встал, начал прохаживаться по кабинету, пощипывая себя за подбородок. – Ведь команды округов, должно быть, готовили тренеры, профессионалы. А вы были просто сержант, просто солдат. А в тюрьме сидели, как обычный зэк... По экономике ведь сидели, да?

– Ну да. Пирамидки начал строить в сети. Виртуальная валюта... не ко времени...

– Тут мне все понятно. Но турнир... У человека, который бьет профессионалов, должно быть нечто, чего нет у них. Так просто это не бывает!

Андрей пристально посмотрел на Падина. Таймер шел неумолимо, жестко. Но ему не становилось ясно, зачем его позвали; чего он хочет. Зачем ему футбол? Ищет теорию? Хочет сделать клубную команду? Наверняка.

– Вы хотите создать свою команду? – спросил напрямую Маранов. – Сделать новый клуб?

Падин посмотрел на него задумчиво. Потом достал сигарету и закурил прямо в кабинете. Он долго не отвечал.

– Скажите, вам моя политическая платформа известна? Мои взгляды?

«Вот оно что, – понеслись мысли у Андрея – Политика!»

– В целом да. Вчера я еще посмотрел ваши интервью. Мне многое близко в ваших позициях. Вы собираетесь поднимать славянство. Это мне близко. Ведическая традиция... Я к этому отношусь с большим уважением; это моя платформа тоже. Хотя это очень даже не модно.

– Да, в этом вы правы, – согласился Падин. – Совсем не модно. Меня многое не устраивает в курсе нынешней власти. У меня есть кое-какие заготовки на будущее.

– Я читал... Вы критикуете Гордина, его людей. Но вы на встречи с ним ходите, руку жмете.

– Ну и что? Он человек достойный. Он многое делает правильно. Но не все. Есть вещи, которые не всем известны.

– Догадываюсь, что такие вещи есть. На то вы и элита...

Фрагмент 5. Главный. Давление падинского взгляда усилилось. Как он сказал? А, вот так:

– *Мне надо выиграть чемпионат мира по футболу.*

В кабинете воцарилась звенящая тишина. Падин отошел к окну и снова стал вглядываться в серый предвечерний московский сумрак.

Андрей помнил, как пытался быстро переварить сказанное. У него словно застыло, замерзло в ноль все внутри. Да, теперь все было понятно... Но чемпионат мира! Это неслышанно... Ну и замах!

Он встал, достал сигарету, тоже закурил; начал медленно ходить вдоль длинного стола, словно забыв, где находится. Масштаб задачи поразил его. Все стало ясно. Политика! Чемпионат мира выиграть – значит переиграть президента. И пройти в дамки самому. Вот его замысел.

Падин ожидал его реакции. Андрей отчетливо видел в его глазах бешеное, яростное пламя! В этот момент он четко понял, почему Падин – олигарх, как он добился такого успеха...

Падин продолжил:

– Чемпионат мира через два года. Мне один человек передал слова, которые вы когда-то обронили.

Андрей насторожился:

– Интересно, какие?
– Мол, вы знаете, как создать команду, которая может выиграть чемпионат мира по футболу.

У Андрея перед глазами сразу же всплыл образ журналиста Олега Воеводина.

– А-а, вот оно что... Да, это я говорил. Есть такой человек. Это давний мой знакомый... по одному делу... Олег Воеводин. Вот откуда вы про меня узнали...

– Да... Так что вы скажете? Ну, так на вскидку. Теоретически. Возможно такое в принципе? Ну, если пофантазировать?

– Честно говоря, фантазер я не очень... Я держусь за реальность... В чемпионатах мира играют сборные команды стран... – обдумывая каждое слово, размышлял вслух Андрей. – Во всех странах команды формируют федерации... Я не очень понимаю... Нужна прежде всего такая комбинация, чтобы открылся выход для какой-то другой команды.

– Так... Точнее?..

Андрей с удивлением посмотрел на Падина.

– Но вы же понимаете, что наш официальный футбол не может сформировать команду, которая способна выиграть чемпионат... Это по определению...

– Вот! Вот! Этого я и ждал от вас! По моему сценарию, должна быть создана новая, никому неизвестная команда... Которая вдруг возникает, и... проходит в дамки...

– Как это... организационно? В обход федерации? Министерства спорта?

– Давайте об этом пока не будем говорить. Конфигурации такого рода – это уже моя епархия... Ну представьте, что просто создается некая команда, которая затем выставляется вместо привычной сборной. Всем знакомой... Ведь бывают в жизни разные фантастические комбинации... Так ведь, Андрей Викторович?

– Теоретически все возможно.

Падин смотрел на него, улыбаясь.

– Я хотел бы все же услышать ответ на свой вопрос. Вы ту фразу бросили просто так, под хмельком? Или это серьезно?

– Под хмельком бываю редко... Это было сказано всерьез, Сергей Валерьевич. Я много за эти годы смотрел футбол, думал, размышлял. Кое-что понял, кое до чего додумался... Я думаю, что в целом представляю, какие факторы... Что предreshает успех в турнирах такого уровня. Но в данном случае... Это, знаете, задача! Это невероятной сложности задача!.. Очень много факторов должно быть включено...

Падин усмехнулся.

– Не надо быть семи пядей... Я бы даже резче сказал – это почти фантастическая задача. Имея ввиду, какой у нас футбол и какие футболисты. Но для меня важно, что вы не говорите «нет»... Значит, где-то в глубине вы допускаете, что это возможно...

Андрей молча глядел в пол. В нем вдруг поднялась какая-то горячая волна дикого, необузданного энтузиазма. Вдруг всплыло желание свершить что-то страшно монументальное, как будто реально сдвинуть небоскреб... Его шанс был совсем рядом. Ну совсем близко... Надо было просто ничего не испортить.

– Я не допускаю, Сергей Валерьевич. Я уверен, что это возможно, – твердо сказал Андрей, глядя Падину прямо в глаза.

Фрагмент 6. Немного теории. А также о мотивации

Тему тогда продолжил Андрей:

– Мы едины в одном мнении. Что в нашем футболе такую команду создать невозможно. Так? А вы почему так считаете? Мне нужно понять, что общего у нас... ну... в видении темы.

– Ну как... Класс не тот, – подумав, отвечал Падин. – Школы нет такой, как в Бразилии или Испании. Техники. Я был в свое время знаете, чем впечатлен? На испанских пляжах видел, как стар и млад прямо у моря перебрасываются мячом. Размокший тяжеленный мяч, а у них он летает... От одного к другому и не опускается, не падает на песок! Они удерживают в воздухе его. Вдоль всего пляжа такие группки! Везде мячи летают! Я было тоже встал. И сразу понял, что тут я лох. Ну как вы думаете? Вот из этой любви и вырастает класс. Находятся, в конце концов, двадцать самых умелых парней.

– Согласен. Это очень важно. Это народная любовь к игре. Привязанность. Самовыражение нации. Но это не все.

– Еще мотивация. Бразильцы, испанцы, когда выходят, французы... они кожей чувствуют, что страна за спиной. А наши не чувствуют! Наши чинуши от футбола думают, что все дело в деньгах и тренерах, в физподготовке. Деньги – это не мотивация. Деньги тут вторичное.

Падин был умен. Он видел объем темы, и Андрея это радовало.

– Совершенно согласен с вами! Всецело!

– Ну давайте все же я вас послушаю, – вдруг улыбнулся Падин.

В это время зашла Эмма с подносом и, гордо процокав к столу, поставила поднос. Она выразительно посмотрела на шефа, потом на гостя и так же величаво удалилась.

– Так вы в самый корень и заглянули, Сергей Валерьевич. То, что скрывается за словом мотивация, и является главным.

– Вот! Ну и какой же видите эту мотивацию? Как бы вы заставили эту гипотетическую команду готовиться таким образом, чтобы соответствовать задаче? Прежде чем запустить такой проект, я должен понять, что у него есть шансы. Прежде чем выделить деньги на него. Ведь это немалые деньги, правда же, Андрей Викторович?

– Это очень немалые деньги. Если не сказать больше... Так вот о мотивации. Скажите, как вы думаете, почему большая часть команд в гостях играет хуже, а дома лучше?

– Странный вопрос. Это же понятно: поддержка трибун. Эмоции.

– А если точнее? Что такое поддержка трибун? Вы полагаете, что этот массовый крик все и решает?

– А что же еще? Это же и есть выражение эмоций...

– Вот теперь нам надо перейти к теории, Сергей Валерьевич. Без этого никак нельзя.

– А я вас и слушаю. Очень внимательно.

Андрей встал и подошел к окну.

– Идти надо издалека. Надо понимать сначала, как устроен человек вообще. Иметь представление об этом.

– Не понял? А как он устроен? Тело?

– Ну, вы же наверняка слышали про восточные системы. Как там это видят. Семь тел, эфирное – оно второе после физического. Далее тело эмоций, затем ментальное. Потом еще три высших. Вы же знаете, я же вижу...

– Ну мне рассказывали, конечно, – как-то вяловато бросил Падин.

– Но вы не очень этому поверили, не так ли?

– Ну-у... – Падин засмеялся. – Все это, может быть, и так. Но как-то это далеко... К нам-то какое отношение имеет?

И вот тут Андрей сел и посмотрел на Падину в упор. Он знал, что, если они не достигнут тут понимания, все остальное бессмысленно. Он так и сказал:

– Дело в том, что для меня это не просто теория. Это моя база. Это знание, в котором я не сомневаюсь, которое я проверял.

– Что существуют семь тел? Ну хорошо... Да хоть десять. Что с того?

– А вот что... В данном случае важнейшее значение имеет второе тело человека, то, через которое запитывается физическое. Это тело называют эфирным.

– Слышал.

– Отлично. Значит, общие точки у нас есть... Раз мы это принимаем, идем дальше. Команда – это совокупность игроков. У каждого есть эфирное тело. Значит, в определенном смысле команда – это и совокупность эфирных тел игроков. То есть она имеет что-то вроде общего тела.

– Ну, вы ведете к теме «эгрегоры»...

– Совершенно верно! В футболе все... Ну или почти все – зависит от схватки эгрегоров.

Падин кивнул.

– Вы имеете в виду эгрегоры команд?

– Именно! Именно! Они есть у любого сообщества, даже маленького. Итак, все решают эгрегоры. Точнее, их сила, их потенциал. А сила зависит от наполнения, от подпитки. А откуда подпитка?

– Это понятно. Болельщики.

– Болельщики – да. Когда болельщики орут, их эфирные энергии вырываются и идут к игрокам. Эфирные тела игроков запитываются, энерговихри вокруг плексусов приобретают дополнительную амплитуду. Частоты их вращения увеличиваются. Потому быстрее работает и биомашина игрока, то есть тело. И дело не в адреналине и не в пульсе. Дело именно в этом.

– Так... А что такое плексусы? Это ведь не то же самое, что плинтусы? Или «Лексусы»?..

Они засмеялись.

– Это изгибы энергоканалов. На этих изгибах откладываются кристаллы фохата – стуски особо рода энергии, о которой ученые пока не знают.

– Так... И что это дает? Зачем эта энергия?

– Ну, понимаете... Вот эти случаи, когда мать поднимает грузовик, чтобы вытащить из-под него своего ребенка... Или когда человек прыгает, спасаясь от выстрела, выше мирового рекорда... Они с этим связаны. Фохат сгорает моментально, высвобождая чудовищный стусок энергии.

– Ага... Вот как! Интересно!

– Но я не закончил про эгрегоры. Болельщики на трибунах – это малая часть подпитки, если речь идет о большом соревновании. Главная часть подпитки – те массы народа, что вдалеке. Что у телевизоров сидят, в машинах репортаж слушают. Где угодно. И даже если не смотрят и не слушают. Подпитка все равно будет идти, потому что все решает эгрегор народа. И с ним должна быть связь. Все сильные команды имеют такую связь. Чем сильнее эгрегор, тем сильнее играет команда. Это закон. Наши все продувают, потому что подпитки от эгрегора народа не получают.

– Как же нет? – удивился Падин. – У нас миллионы у телевизоров! У нас народ болеет активно.

– Болеет активно. Но подпитки нет. Потому что эгрегор – рыхлый.

– Как это? Как рыхлый?

– Размытый эгрегор, не центрованный. И это на все влияет, на все... Понимаете, эгрегор центрируется на национальном самоосознании. А у нас его нет! Куча народов, у всех свои эгрегоры. Потому в стране все так рыхло всегда, так ненадежно. Только на сильной власти может держаться, иначе сразу развал. Это ахиллесова пята всех империй...

Маранов сокрушенно мотнул головой, потом подошел к Падину и продолжил, внимательно глядя ему в глаза:

– Это к вам прямое отношение имеет. Вы ведь в политику большую идете.

Андрей помнил, что после этой фазы наступила длинная пауза, когда Падин снова ходил по кабинету и курил.

Фрагмент 7. Затронуты глобальные политические и исторические темы

– Но если идти по вашей логике... У нас сильной команды вообще не может быть. У нас никогда не будет центровки на национальном. Это же очевидно.

– Это не совсем так... – отвечал Маранов. – Есть два варианта. Первый: эгрегор нации замещает эгрегор государства. Второй: у государства есть спланированная идеология, которая прошла в массы; она может работать как замещение. Как подобие национальной идеи. Тогда эгрегор работает.

– Ну... Это теория.

– Это не совсем теория, Сергей Валерьевич. Практика тоже была. Небольшая, но была. Вот смотрите. Едва война закончилась, прошло несколько чемпионатов страны. Футбола, по идее, не должно быть в такой стране. Но что происходит? Вторая клубная команда страны едет на родину футбола. Едет в Англию! И играет мощнее их! «Арсенал» делают... «Кардифф» бьют 10:1! Запросто так! Без проблем!

– Это вы про что?.. Я не понимаю...

– Про поездку московского «Динамо» в Англию. А далее еще интереснее. Проходит еще несколько лет. И уже сборная страны едет на первый чемпионат Европы во Францию. И что вы думаете? Она побеждает! Всех опережает, понимаете? Всех! Англия, Франция, Испания, Италия. Все позади! Объясните мне, пожалуйста, каким образом?..

Падин задумался.

– То есть... Вы считаете, что эгрегор сталинского государства... Он сработал?

– Конечно! А что же еще? Эгрегор народа, спаянный через государство и его идеологию... Плюс подъем национальный после победы в войне. Тогда подпитка у эгрегора была, и очень неслабая! Заметьте, чем больше эгрегор слабел, тем слабее играла сборная команда. При Хрущеве все начало сдвигаться. Игроки еще были: их воспитала система. Это были бойцы; военные люди, по сути. На них шло дыхание военного поколения, их отцов. Это очень сильное было поколение. И они должны были выиграть чемпионат мира в 62-м по составу. Потому что были классные игроки. Но подпитки-то уже не было! Вот и провалились. Как-то странно, обвально провалились. А уж о том, что дальше было... Тут и говорить не о чем. Брежневский футбол... Это серость беспросветная; но какой-то класс еще оставался; эгрегор системы еще жил. Потом вообще все пошло. Плотность командных эгрегоров нарушили варягами. Африканцев стали тащить, кого угодно. Тренеров стали с Запада выписывать. А что они знают о России? Что они знают о народе? Полный хаос, полное непонимание. Откуда будут результаты?

Фрагмент 8. Как надо строить команду. Из кого

Тогда Падин закурил еще одну сигарету, он разволновался.

– А вы стройно излагаете!.. Но по этой логике опять же... Государство-то ведь не восстановить... В любом случае у нас нет перспектив. Как вы запитаете ту команду? От какого эгрегора?

Маранов смотрел на него жестко и прямо:

– От национального.

– Какого? Какой нации?

– Государствообразующей. Славянской нации. Русичей. Россов. Славян-ариев, если идти вглубь. У этой нации есть свой эгрегор. И он жив. Медленно идет восстановление связи с ним, но оно идет. Появилось много славянских общин; там есть свои... как бы сказать... Учителя, волхвы. Если соединиться с этим эгрегором, подпитка будет. Но понадобятся также и некоторые ухищрения...

- Какого свойства?
- Чисто магического.
- Подробнее, пожалуйста.
- Мы до этого дойдем. Я еще о факторах, можно?
- Так-так, давайте... Какие еще?
- Отбор людей. Чтобы сделать уникальную команду, нужно включить много факторов.

Очень много. Например, гороскопы, физиогномику. Глубинную психологию. Поверьте, это важно! Нападающим, который способен забивать голы в трудной ситуации, может быть человек совершенно особого типажа. С тонкой нервной системой, резкий, нервный, импульсивный. Это своего рода псих. С невыносимым, капризным характером. С наметками на особый дар – с такой, знаете, уникальной связью между нервной системой и физикой. Был такой Герд Мюллер, Марадона, Месси... У нас – Численко, Юран, Рябцев...

- А защитники?

– В центре защиты – двое одного типа. Мощная горизонталь. Два здоровенных парня, упертых, как слоны. Костяк, основа. Они держат план... Тип – Марс в физиогномике. Злые, яростные! Это тип воина. Но талантливые! Имеющие в себе понимание структуры, чувствующие паутину обороны, улавливающие движение энергии противника. Интеллект очень важен, очень! Это очень непростые люди! Это блок, броня команды!

Сзади них только вратарь. И это тоже психопат! Худой, скрученный, как винт; сухой, жилистый. Одержимый идеей что-то ловить. Парень с дикой, нечеловеческой реакцией. Абсолютно бесстрашный! Это может быть только тип «Меркурий»! А по гороскопу – Овен или Стрелец. Молчаливый, весь в себе. Но жутко самолюбивый, до болезненности, понимаете? Для него пропустить гол – это драма! И при этом волевой, страшно волевой. Он должен брать семь пенальти из десяти. Вот какого уровня должен быть вратарь!

- А крайние защитники?

– На краях нужны такие же крепкие, как в центре, но поменьше ростом; цепкие, реактивные, злые. Не более 184, иначе не будут успевать за нападающими. Самолюбивые, резкие, не любящие уступать в единоборствах. Тип Марс или Земля в смеси с Меркурием. Тоже желательно огненные – Стрелец или Овен. Водных в защите не должно быть. «Рыба» может попасть в середину, где нужен интеллектуал-распасовщик. Интеллектуал, любящий решать сложные задачи. Видящий все вокруг, зоркий, с объемным взглядом, хорошими мозгами. Книгочел. Любитель театра, кино, красивых женщин. Актер, режиссер, музыкант, понимаете? Талант! Игрок по жизни! Только такой сможет делать интересную игру! Это парень, читающий игру, видящий всех, созидатель. Таких в полузащите должно быть трое, не меньше. Я всегда был сторонником схемы 4–3–3. Мне она представляется идеальной.

Крайние нападающие должны быть примерно одного типа. Обладать мощнейшими физическими данными для рывков. Но не выше среднего роста, не более 177... Обладать талантом. Невероятным! И так далее. В том же духе! Все надо делать не по шаблону! Все – не так, как все. Только тогда может быть успех.

Фрагмент 9. Еще о факторах. Достал он с этими факторами! Но это на самом деле важно

Собственные слова всплывали в его памяти, будто записанные на диктофон.

– Понимаете, русским людям для действия нужна идея. Причем особого уровня – высокая, большая. Это такой религиозный – я даже умное слово употреблю, – эсхатологический уровень.

- Христианство? – несколько разочарованно спросил Падин.

– Да нет, ну что вы. Эта система уже давно не работает. Нужно копать глубже. Нужно копать к корням. Ребятам надо будет поэтапно рассказывать, что за народ славяне, откуда появились, какой была их цивилизация. Что у нас за предки были, какая корневая система, какие верования были на Руси. Связать их надо с корневой системой, чтобы произошло формирование модуса ответственности. Тут нужна последовательная работа, соединяющая эгрегор команды с корневой основой нации. Это сложно... Но это возможно.

– Да я не очень понимаю, как это сработает...

– Сергей Валерьевич! Вот это как раз самое важное. Самое важное! Без этого нам просто не очень говорить. Я просто не возьмусь, потому что тогда результата не добьются.

Падин аж присел.

– Так... А вот тут я... Тут я чего-то недопонимаю. Мне нужна от вас дополнительная информация.

– Есть еще и другие стороны вопроса, Сергей Валерьевич. Есть еще и магический уровень! Это очень, очень все сложно; но я могу решить и эти проблемы!

Глаза Падина загорались все более. Он выбросил вперед руку, останавливая Андрея.

– Какой магический?.. Что вы имеете в виду?

Андрей вздохнул.

– Мировой чемпионат – это метафора войны. Причина его значимости в этом. Это, по сути, апология войны. Таким образом, через футбол, народы созерцают сами себя, ощупывают свою значимость. Народы, будто отдельные люди. Так они определяют свою магическую тяжесть...

– Я не понимаю... Но не важно. Важно, что вы это понимаете... – возбужденно заговорил Падин. – Я все решил... Я все решил. Успокойтесь.

Падин заволновался, как мальчик, вскочил и забегал по кабинету.

– Вопрос решен! Мы будем работать. Я даю вам карт-бланш! Готов тут же выделить деньги. Когда вы сможете представить план действий? И смету...

Андрей сидел, а он носился. Буквально носился по кабинету – туда-сюда, туда-сюда. Удивительно! Такой оказался экспансивный. Вон как стал раскрываться великий олигарх!

– Давайте, давайте. Давайте! Начинайте!

Он почти кричал.

– Я верю в тебя! Андрей, ты сможешь! Ты должен!

Падин вдруг перешел «на ты». Так была им выражена новая степень доверия.

Фрагмент 10, последний. Неожиданный, но приятный

Андрей помнил, как в нем возникло сладостное предвкушение. Неужели? Неужели закончилась эта бедность?

Он видел, как Падин многообещающе подошел к сейфу. Закрыв спиной кодовый замок, набрал код. Как подошел к Андрею с конвертом и толстой пачкой долларов.

– Вы хотите дать мне денег?

– А тебе что, они не нужны? Мне сказали, что ты на развалюхе какой-то ездешь. Купи нормальную машину. Погаси свои кредиты. И больше не влезай в это болото.

– Вы все обо мне знаете, – засмеялся Андрей.

– А ты как думал! Не лаптем щи хлебаем. Реши свои проблемы.

Он положил деньги в конверт, который сразу же распух, и отдал Андрею. Андрей, чуть помедлив, взял деньги и положил в сумку.

– Спасибо! Спасибо вам!.. Я очень, очень рад, что мы понимаем друг друга... Давайте сыграем в эту игру.

– Да! Давай! Мы сыграем! Мы русские люди! Двум смертям не бывать, одной не миновать – так, кажется? Жуть, как ты меня раззадорил!

Последний фрагмент, который всплывал в памяти Андрея, который как бы выкадровывался из всей этой длинной мизансцены, была секретарша, точнее ее взгляд. Она его просто пронзила им. Она не знала, кто он и зачем он нужен Падину, но по лицу шефа считала, что состоялась какая-то очень важная договоренность...

Дома Андрей долго сидел на кухне, пил чай, курил, сбрасывал напряжение. Он прокручивал состоявшийся разговор с Падиным, фрагмент за фрагментом; он прокручивал также свое старое «кино», как он начинал футбольный проект тогда, в лагере. Он вспоминал, как по команде Болта на изрытое рытвинами, клочковатое поле вышли двенадцать угрюмых, разновозрастных, озлобленных мужиков. Они все были худые, ослабленные постоянным курением, алкоголем, а двое крепко сидели на игле. Когда он высыпал из рваного пакета два стареньких футбольных мяча, они стали ржать, и незлобно, но тупо материться. Они почти забыли, как когда-то гоняли мяч во дворе. Они пришли просто ради любопытства – чтобы понаблюдать, как облагается Французик – так они прозвали Андрея за его утонченный, почти субтильный облик, правильную и почти безматерную речь; за движение мысли, которые они улавливали в его нетипичных для лагерного планктона глазах...

Что он мог им сказать тогда? Каким образом можно было их заставить тренироваться? Это казалось невозможным.

Для начала он им сказал такие слова:

– А что мы, собственно, потеряем, если погоняем мяч? Подвигаемся на воздухе... Что, все в бараке сидеть?

Они организовали на поле два квадрата и стали перепасовываться. О какой технике можно было говорить в приложении к ним? Мяч вообще ни у кого в ногах не держался. Но через некоторое время он все же втянул их в казавшееся им совершенно дурацким занятие: кто больше начеканит правой ногой. Ни у кого не получалось больше трех-четырёх подскоков. Мяч слетал с ног, улетал за рамку поля. Но, когда Андрей, вспоминая прежде наработанные навыки, набил правой сначала пятнадцать, потом двадцать пять, а потом сразу пятьдесят шесть правой и тридцать левой, зэки замолчали и насторожились; можно сказать, они заинтересовались.

– Дай-ка мне, – попросил тогда тот, что был авторитетом и кто должен был быть капитаном согласно угрюмой эковской иерархии. И Болт оказался единственным, кто смог через пару дней набить правой десять.

Вот с этого все и началось. Они стали приходить на тренировки, но не играть, а именно чеканить. Как люди азартные, они стали делать ставки на лучший результат – сигарету, стакан водки или даже просто на щелобан. Им стало интересно.

Андрей же знал, что чеканка – это основа техники. Если они дойдут до нескольких десятков подскоков каждой ногой, мяч уже будет держаться у них в ногах и можно будет что-то строить.

Потом наступила пора стравливания. Он оценил по характеру каждого; самых злобных и рьяных, ненавидящих явно или тайно друг друга развел в разные команды. Он поставил наиболее крепких и мало бегających в защиту; более шустрых, кто хоть как-то мог бегать, в нападение. Он выстроил между ними психологические связи, ориентируясь также и на симпатии этих грубых, измученных людей друг к другу. Все же они были русскими людьми, хотя имели разные национальности (в команду записались, помимо русских, казах, два армянина и чеченец). Андрей использовал и этот фактор, разведя кавказцев в разные команды, с тем чтобы русские как бы управляли каждый своим кавказцем или казахом. Он задел струны их самолюбий, и они постепенно стали интересоваться этим занятием все более и более.

Первые их игры друг с другом получились грубыми, полными агрессии, травматичными. Зэки рубились чуть ли не насмерть, играли «в кость», толкались, сбивали друг друга. Несколько раз начинались драки, и тогда на поле влетали охранники и растаскивали игроков. Но раз от разу игра их становилась все осмысленней. Игра в «чеканку» продолжалась, техника владения мячом понемногу улучшалась, так же как и физическое состояние игроков команды. Наступил момент, когда Андрей смог сбить из двух разных команд одну единую команду – из тех, кто мог хоть какое-то время бегать, кто наловчился играть лучше, был злее, у кого было твердое место на поле. А затем состоялся тот переломный матч с командой охранников лагеря, после которого Андрею стало ясно: они уже не бросят это занятие, не пошлют его куда подальше, не засядут, как прежде, за карты, нарды, рисование наколок и прочие привычные для них забавы.

Это была рискованная игра, и начальство лагеря это понимало. Потому зрителей у той игры, кроме начальства и охранников, не было. Если бы остальных зэков пригнали и усадили вдоль поля, мог произойти бунт – моментальный и беспорядочный. Но для команды зэков наличие зрителей не было важным. Они знали, что, придя в бараки, они будут всю ночь пить, балагурить и рассказывать остальным, как проходила игра и кто что сделал невероятного на поле.

Охранники были по большей части молодыми ребятами, недавно отслужившими в армии, и потому они были резвее, шустрее. Полковник Гусаров не сомневался, что зэки проигрывают, потому что молодые их просто перебегают. Но получилось все не совсем так. Молодые действительно вначале прижали зэков к воротам и сильно давили, играя через центр: там у них играл блондинистый парнишка, разрядник по футболу. Он грамотно принимал мяч, обрабатывал и осмысленно, более-менее точно бил по воротам. Андрей видел, что этот парень забьет, и сразу поставил хромого, но быстрого Дугласа присматривать за ним. Однако блондин все же забил, обойдя двоих и четко пробив в противоход вратарю.

Потом зэки немного выровняли игру, начали пробиваться через центр поля, но молодые все давили, и в итоге блондин к концу тайма забил еще один мяч.

И вот после этого началось самое главное. Андрею не надо было ничего говорить своим игрокам. Они сидели в перерыве за воротами, насупленные, злые, нервно курили.

Кондор тогда сказал:

– Если сольем, запахло будет. Уважать не будем себя. Надо нагнуть зеленых...

– Вые...ть! В жопу вые...ть – прохрипел Чубаров.

И это были все их слова. Однако они понимали, что им надо слушать Андрея, что без него у них ничего не выйдет. Он дал им установку: играть на двух бегающих людей – его самого и Хрипатого; жестко держать блондинчика и разобрать края. Он дал наказ спарке Хрипатый – Торец играть впереди. Лобок должен был подыгрывать им чуть сзади.

И вот тогда произошло нечто странное, чего он внутренне и ждал всегда от футбола: включились некие внесознательные факторы, которые словесно он даже и не смог бы определить. Но что-то поменялось после перерыва на поле. Словно подвижная стенка начала давить на охранников, отодвигая их к своим воротам. Мрачные, озлобленные зэки начали играть в ноги, незаметно пинать плечами молодых, играть в кость, использовать большую часть поля. Они начали давить какой-то тайной волей, скрытой в них силой.

И эта сила постепенно придвинула молодых к воротам. А когда давление достигло пиковой стадии, Андрей сказал свое слово. Он был единственный, кто мог забить, и он это сделал. Он словно почувствовал, что надо идти в центр штрафной, и Хрипатый увидел его, дал на ход. Мяч влетел рядом с вратарем в дырявые бессеточные ворота.

Зэки не кричали, не прыгали; кто молча сплюнул, кто одобрительно посмотрел на него, отходя назад. Затем Андрея сбили в штрафной, и судья капитан Сурувикин назначил пенальти. Андрей выполнил его очень четко, не оставив долговязому старлею, стоявшему в воротах охранников, никаких шансов.

Как ни старались молодые, но забить больше они не смогли. Игра так вничью и закончилась. Это было необычно, так как слишком разительной была разница в возрасте и физическом состоянии. Но Андрей убедился, что в футболе это, конечно, важные, но все же вторичные факторы. Главное – состояние духа. С этого начался перелом в настроениях всех эков к этому занятию; появилось то, что и называют мотивацией.

...Андрей вспоминал тот первый матч и словно погружался в ту тягуче-угнетающую, мутно-давящую атмосферу лагерной жизни, вспоминал тяжкие подъемы по утрам, серую мглу в зарешеченном окне; утренний зябкий, неотвратимый холод; постоянный недосып, боли в животе и подташнивание от хронических запоров; угрюмую утреннюю ругань эков, их грубые толчки и даже удары возле гальюнов... Но теперь он понимал, что та грубая мужская твердость, неколебимость, что появились в его характере после выхода из лагеря, после этой трехлетки мытарств, не появились бы без этой трудной школы. Он сумел выстоять, а потом сумел и победить.

Создание лагерной команды было для него также и шансом выжить, ибо защищало его от возможного случайного произвола. Понимая это, он вкладывал тогда в эту работу все силы души; и тот триумф, то удовлетворение в глазах начальника лагеря, которые можно было видеть после победы команды эков над заводской командой Медногорска, игравшей по классу «Б», имевшей в составе двух камээсов, – это была его победа над собой, над обстоятельствами, над произволом судьбы, над близкой смертью от побоев. Созданная им команда эков трудно, но выиграла, вырвала тот матч, и тогда и эки, и начальство прониклись к нему, тонкому художавому Французику, тем незаметным уважением, которое никак не выражается словами, но существует в душах и умах всех вовлеченных незримо и подспудно. Тот жесткий хлопок по его плечу самого Болта, вора в законе, его искрящиеся грубым смехом глаза многое сказали ему. Они все понимали, несмотря на свою грубость, неотесанность, жесткость, что без него ничего бы этого не было. Не было бы этого праздника в душах эков от содеянного полноценного мужского дела – без поножовщины, без зуботычин, а также поднятых стволов охранников.

До самого последнего дня в колонии никто не трогал его: ни начальство, ни заключенные, ни охрана. Кто приказал, кто сказал – ему было неизвестно. Но теперь он знал, что доживет до освобождения. Вот тогда он впервые по настоящему почувствовал силу футбола, власть футбола; могучее таинство, заключенное в этой игре, которая по большому счету была вовсе не игрой, а некой метафорой войны, разновидностью ратного мужского дела...

Итак, невероятное произошло. Падин полностью одобрил поэтапный план, который ему представил Андрей. Теперь надо было разворачивать основное действие.

Андрей стал быстро набрасывать на планшете позицию за позицией (директор, ассистенты, поисковики, база и т. д.) Рассчитывать, прикидывать, что и как. Понемногу словно пелена рассеивалась впереди, уходили страх и тревога. Звенящей тугой волной в него входила уверенность.

Глава 5

– Михаил Георгиевич, здравствуйте!

Эти слова донеслись до сознания Берестова среди шума и толчеи торгового центра. Общий шум лежал фоном, но он разъединил этот микс одним легким усилием, услышав лишь то, что было ему нужно.

Перед ним стояла молодая женщина лет тридцати, среднего роста, с беспокойным, бегающим взглядом.

– Кто вы? Я вас не знаю. Хотя лицо мне ваше знакомо, – отвечал Михаил Георгиевич, напрягая память, но не находя в ее серверах нужного файла...

– Конечно, вы меня не знаете. Мы никогда тут с вами не встречались.

– Значит, мы встречались с вами... не тут?

Она рассмеялась.

– Очень похоже...

«Умница! – отметил он про себя. – Но о чем она?»

– А как вы меня нашли здесь? То есть в этом гвалте? Шпионили, да? Фотография моя у вас в сумочке? Да?

Он, улыбаясь, вглядывался в ее лицо. Какое-то недавно пережитое страдание отпечатаало на нем свой след. «Клиническая смерть... – подумалось ему. – Что еще могло быть?»

– Я Вероника... Из Зауральска...

– Так. Очень хорошо... Но вы знаете... мне это ни о чем не говорит. Уж простите. Дайте вводную информацию.

– Я парашютистка...

Это было как удар по голове!.. Полтора месяца прошло после того сна... Вот теперь он все понял! Конечно же, он должен был догадаться, что она найдет его. Она не могла быть ординарным человеком. Но как она нашла его? Даже он – ясновидящий, маг, посвященный – этого не предусмотрел...

И вот надо же – спустя полтора месяца он вдруг увидел эту женщину перед собой! Конечно, ее непросто было узнать. Ведь то был сон, а это явь. Реальное лицо выражало множество оттенков; прическа была иная – волосы собраны сзади в пучок. И только глаза были знакомы...

Она глядела на него пристально, в упор. Он понял, что она все это время ждала встречи с ним и думала о ней. Потому она была так взволнована. Но как все же она его узнала? Что она видела? Он был не здесь, но она-то – в физической реальности!

– Да... – наконец промолвил он. – Вы парашютистка. Но ведь вы больше не прыгаете?

– Ой, конечно! Мне хватило впечатлений! Это был такой ужас, такой...

У нее на глаза выступили слезы. Вдруг она вцепилась в его рукав:

– Но скажите, скажите: как вы это сделали? Как такое можно сделать? Кто вы? Ведь это вы сделали – я точно знаю!

Михаил Георгиевич молчал и размышлял. Это был непростой случай. Она приехала только ради встречи с ним, это понятно.

– Вас зовут, кажется, Вера? Так в блоге у парня было...

– Вероника.

– Пардон... Давайте, Вероника, отойдем в тихое место. Посидим, поговорим.

– Давайте. Давайте! – с радостью согласилась она. – Мне очень хотелось поговорить с вами, Михаил Георгиевич! Я ради этого и приехала, если честно...

Через десять минут они уже сидели в полумраке кафе. В белом фарфоровом чайнике заваривался китайский чай молочный улун.

– Я приехала четыре дня назад. У моего мужа в Москве живет сестра. Я у нее остановилась. Я потратила четыре дня, чтобы найти вас.

– Пойдите... Но как вы поняли... Что вы видели, ну, когда летели вниз?

– Я вдруг увидела ваше лицо... рядом. Вы смотрели очень добрыми глазами.

– Лицо... А все остальное? Тело мое видели?

– Нет, я видела только лицо. Совсем близко.

– И оно не было прозрачным? Оно было такое, как у всех людей?

– Ну да... То есть... Может, и не такое. Может, цвет его был...

– Какой?

– Да какой-то... без цвета лицо. Да, без цвета.

– А волосы... Волосы на ветру колыхались?

И вот тут она в ужасе поглядела на него. И прошептала:

– Нет... Они не шевелились. Не было ветра. Боже! Но меня это тогда не удивило. Словно я сама спала...

– Что не исключено. А как вы меня-то нашли? Ну, положим, лицо запомнили... А дальше?

– Все просто... Я поняла, что надо искать среди магов. Тех, кто в «Битвах экстрасенсов» участвует...

– Я не участвую...

– Я просмотрела портфолио всех. Там был один целитель... И вдруг на одной из фотографий я увидела вас. Вы стояли с ним рядом.

Берестов так и хлопнул себя по коленям:

– Надо же! Единственный раз снялся на конгрессе народных целителей. И на тебе! Это был Пиоро. Ростислав Пиоро. Он неплохой, кстати, психолог.

– Ну вот... Меня пытались отфутболить на телевидении, – продолжала Вероника. – Но нашелся один человек, помог. Он назвал ваше имя и фамилию. И я в справочном сервисе нашла адрес вашей работы. Вы в открытом доступе. Коуч, тренер по йоге... Выследила, шла за вами...

Она говорила быстро. Вихри эмоций бушевали в ней. Между тем Михаил Георгиевич молчал. Он пытался пройти через пласты времени, чтобы понять, каким образом он связан с этой женщиной. Почему Они призвали тогда именно его. И вдруг что-то стало проясняться...

...Он увидел здание готической архитектуры, залу. Это была Европа, XVI или XVII век. Он усиливал свечение экрана внутреннего видения, почти не слыша, что она говорит. И словно что-то поняв, женщина смолкла... И тут он вдруг ясно увидел, что там произошло. Он все увидел... Он понял, кто она, откуда. Но он пока не видел, как он связан с ней.

– Скажите, а почему вы стали прыгать с парашютом? – вдруг спросил он.

Она осеклась на полуслове.

– Даже не знаю... Меня с детства тянуло залезать на высоту. И прыгать в вниз... мания какая-то. Один раз с третьего этажа прыгнула, когда еще школьницей была. Мать меня к психиатру водила. А я, как кошка, мягко приземлялась. А когда стала с парашютом прыгать, успокоилась. После каждого прыжка, как будто, знаете... Это что-то даже... сексуальное...

– Понятно. А вы в реинкарнацию верите?

– Реинкарнацию?... Да нет, я православная. Батюшка говорил, что это чушь. Язычество...

– Понятно...

Михаил Георгиевич понял, что дальнейший разговор не имеет смысла.

– Давайте, попробуйте чайку.

Он налил ей чай в чашку. А затем попробовал перевести разговор в иное русло.

– А чем вы сейчас занимаетесь? Чем на хлеб насущный зарабатываете?

Однако она молчала.

– Вам не понравился мой ответ, – медленно проговорила она, глядя ему в глаза. – Я вижу, что не понравился. На самом деле, если честно, я ничего про это не знаю. У меня нет к нему полного доверия. Вещи он говорит правильные, но и водку трескает не на шутку. Так вы считаете, что реинкарнация существует?

– Я ничего не считаю, Вероника. Я говорю только о том, что точно знаю.

Она задумалась.

– Значит, мы как-то связаны с вами... по прошлой жизни.

– Возможно. Возможно потому все и произошло.

– Но как, как вы это сделали? Ну расскажите мне! – снова взмолилась она.

– Я не смогу объяснить вам так, чтобы вы все поняли. Для этого у вас пока нет необходимых знаний.

– Я это понимаю. Но хотя бы намекните. Как можно, ведь вы находились в другом городе?!

– Мало того. Я ведь спал.

– Что? Спали?

– Да. Спал. И видел из сна, как вы летите...

Она была потрясена. Некоторое время молчала.

– Это невозможно понять! Может быть, вы Бог?

Он улыбнулся ее простодушию.

– Все мы немножко боги, – улыбнулся Михаил Георгиевич. – А вообще говоря... Разве вы не видели в сети ролики, когда человек, скажем, идет прямо под машину... И вдруг откуда-то, из пустоты появляется некто... Моментально так, очень быстро... И человека переносит на другую сторону дороги...

– Я видела... Конечно, видела... Но все считают это фейками... Монтаж, и все...

Берестов, вздохнув, как-то удрученно улыбнулся.

– Значит... Это не фейки? – с напряжением в голосе спросила Вероника. – Но как это может быть? Как?

– Но вы же убедились, что такое может происходить... Мир сложнее устроен, чем полагает общественное сознание, – отвечал Берестов. – На данном этапе. Даже реальность тонких миров оно признает лишь условно. А уж о времени я не говорю... Тема времени – это самое сложное... А знаете, почему вы стали прыгать с парашютом?

– О, расскажите. А как вы знаете?

– Да вот как-то знаю... Дело было в какой-то европейской стране. Мне кажется, в Италии. Период Просвещения. Какой-то орден... Непонятно. Иезуиты, может быть. Или ответственное какое-то... Я вижу, что какой-то вельможа хотел совершить в отношении вас ритуальное совокупление, какой-то обряд. Есть такой обряд. Он был у некоторых орденов...

– Совокупление? То есть... Изнасилование?..

– Нет. Тогда это было в порядке вещей. Но у вас был возлюбленный, и вы не хотели. И когда он приблизился к вам в красной накидке, в яркой красной такой шапке, с серым верхом...

– О боже! О боже!

Она вдруг вскочила и заметалась возле стола.

– Успокойтесь, Вероника! – всполошился Михаил Георгиевич. – Что такое? Вы что-то помните?

– Мне это снилось! Снилось не раз! О боже!

Наконец, она села.

– Вам что снилось?

– Как я лежу, а он приближается ко мне!.. Я думала, это из фильма! В странной шляпе, в красной какой-то накидке!..

– Вот видите. Вам даже приоткрыли...

– Хорошо... А вы? Вы были... кто?

– Я вот сейчас увидел... Я был в том же ордене. Но я был враг этого вельможи... Самый серьезный враг... Он ненавидел меня. Хотел меня убить.

– И что же? У него получилось?

Михаил Георгиевич наморщил лоб.

– Я пока не вижу... Но похоже... Нет, не вижу... Там что-то с религией... Да, связано с религией. Черные сутаны... Не вижу...

– Понятно, понятно... Но почему я стала прыгать?

– Вы тогда выбросились в окно... И разбились насмерть.

Она в ужасе смотрела на него.

– Вы перед этим некоторое время смотрели вниз. Потом шторы раздвинули. Перед Вас пытались удержать. Но вы все же бросились вниз. В отчаянии! Это я вижу очень четко... Там эта ситуация долго развивалась, и вас довели... Ну знаете... До иступления, до нервного срыва. И в новом воплощении этот груз давил вас... Вы бессознательно хотели избавиться от непонятного ужаса. И потому стали прыгать с парашютом.

Она молча смотрела на него. В глазах была смесь смятения, недоумения, недоверия, преклонения.

– Вопрос для меня главный в том, почему вами занимаются, – задумчиво продолжал Берестов. – Что они хотят от вас... Почему спасли. Думаю, этот ребус нам предстоит еще разгадать. Не думаю, что я так просто смогу ответить на эти вопросы. Нет, я не Бог. Нам нужно время, чтобы понять, что и как. Но мы как-то связаны. Похоже, я также был тогда там и как-то был втянут в эту историю. Возможно, я пытался спасти вас. Был еще один человек... два человека...

– Какие? Кто они?

– Один был хороший. Тот, кого вы любили. Похоже, это был военный. Он ездил на лошади. Сабля у него была... Вижу сапоги... белые обтягивающие рейтузы. Аристократ. Красивый. И был еще один... отрицательный персонаж – скажем так. Молодой, внешне равнодушный, с бесцветными глазами. Возможно, священник... Похоже, он любил как-то освящать эти ритуальные совокупления. Ну, знаете... По церковному... Нравилось ему это... Может, и извращенец он был... – Как это все... странно... Странно! Поразительно! Почему-то я верю, что все было так, как вы говорите. Почему верю, не знаю.

Через некоторое время они уже шли по улице по направлению к метро.

– Я думаю, нам надо прервать на сегодня наше общение, – сказал Михаил Георгиевич. – Для вашей психики впечатлений достаточно.

– Возможно. Но мы увидимся еще? Я еще буду тут неделю.

– Увидимся. Теперь от этого никуда не уйти... А вы оставьте мне свой сотовый. Я позвоню. Когда можно будет.

– Хорошо.

Вскоре он уже в одиночестве шел к себе на квартиру. Ему надо было обдумать все произошедшее и понять, в чем смысл этой встречи. Он догадывался, что это как-то связано с теми двоими, что пересекались с ним тогда, два или три века назад...

Глава 6

Магистр сидел в центральной ложе стадиона и с удовольствием смотрел на лоснившийся на солнце ровненький искусственный газон, который даже вблизи невозможно было отличить от натурального, по которому носилась группа людей в бело-синей и красной форме. Рядом с ним уселись в удобных креслах несколько магов из периферийных лож – те, которые были заняты в реализации проекта. Всего их было 12 человек. Вдалеке слышался тихий рокот дископланов-эксквайзеров: они зависли с четырех сторон на подступах к стадиону и должны были на всякий случай контролировать воздушное пространство всей зоны.

Он продолжал наблюдать, но тут увидел нечто важное. На противоположной трибуне, в закрытой затемненными стеклами ложе, появилась группа людей. Среди них смутно просвечивался облик человека в темных очках. Седеющая серебристая шевелюра ниспадала на верхнюю часть смутно видневшегося лица. Магистр понял: это тот самый, теневой, совсем закрытый. Тот, кто стоял у истоков Братства; тот, кто получил важнейшую информацию от самих Великих Кураторов; тот, с кем они регулярно выходили на связь.

Примерно с пятнадцатой минуты игры андройды, которые поначалу оборонялись, резко пошли вперед, словно кто переключил их в другой режим. Барон был уверен, что так оно и было. Напористые студенты теперь не успевали за быстрыми андроидами и все более теряли нить игры. Андройды очень точно переводили мяч с края на край быстрыми передачами. Причем было видно, что они могут давать передачи в любом положении, даже находясь спиной к воротам, к партнерам; магистр знал, что им вмонтирован орган зрения с возможностью кругового обзора. Это, помимо прочего, и должно сделать американскую команду непобедимой – если только тренеры сумеют подстроить под эту особенность тактику... Вскоре один за другим в ворота студентов были забиты три мяча.

Некоторые из студентов на ходу переговаривались, делясь впечатлениями.

– Ты не знаешь, откуда эти парни, Томми? – спросил один. – Они не похожи на американцев...

– Да! У них странный акцент. А морды? Странные! Я таких видел в Новой Зеландии. Какое-то племя. Ходят голые, пляшут под бубен...

– Да нет... Дикие не могут так играть. Кто же это такие?

Они попытались переговорить на ходу с этими ребятами, но те оказались очень немногословными; отвечали односложно со странным акцентом, уходили от разговоров.

Студенты не понимали, что делать дальше. Они были деморализованы. Им было понятно, что если им каждые три минуты будут забивать по два гола, то в итоге счет будет 15:0 или даже 20:0 и так далее. Это было черти чего, это не помещалось в их сознании.

Команды ушли на перерыв при счете 3:0.

Магистр поглядел на противоположную трибуну. В затемненной ложе наблюдалось движение. Было видно, как несколько человек окружили магистра Центральной Ложи и разговаривают с ним. Теневого, самого главного, там уже не было. Затем оттуда все вышли. Надо понимать, важный гость уехал.

Маги, сидевшие на открытой трибуне, поднялись и перешли во внутреннее помещение, где было полное кондиционирование. Здесь был подготовлен изысканный кофе-брейк: свежевыжатые соки на заказ, фрукты, коктейли, салаты, кофе и чай любого сорта, сэндвичи и роллы на выбор.

Магистр попросил цитрусовую смесь и отошел, потягивая сок через трубочку, в тот угол, где расположились за столиком маги 4-й ложи: три относительно молодых мужчины, с которыми у него были нормальные деловые отношения.

– Ну что, великие маги, какие впечатления? – спросил он их, здороваясь в соответствии с кодексом поведения на публичных мероприятиях.

– У меня самые лучшие. Самые радужные, – улыбался седовласый Джеффри Снайерс, американец. – Я такого даже не ожидал. У этой команды нет соперников. Но преимущество слишком значительное, и это неправильно.

– Мы уже на трибуне об этом говорили, – подтвердил невысокий полный Касакис, грек, представитель старинной династии землевладельцев. – Так нельзя. Я не знаю, как они решат вопрос о неразглашении, но эти студенты слишком ошарашены и пустят слухи. Этого нельзя допустить.

– Андроиды могли их сделать в десять ноль.

– Да хоть двадцать, – подтвердил магистр. – Я согласен. Так нельзя. Это что за демонстрация величия? Надо быть скромнее. Надо выигрывать матчи максимум 5:1, 6:1. Это еще куда ни шло. Но не более. Иначе толпы будут разочарованы.

– Они почувствуют неладное.

– Вот именно!

– Но в целом эксперимент удастся. Андроиды практически ничем не отличаются от обычных спортсменов.

– Вообще ничем.

Но магистр не согласился.

– Господа, не будем тешить себя иллюзиями. Отличия есть. Вы видели? Они почти не улыбаются! Они не прыгают, как глупыши, задавая мышцам тонус. Они не обнимаются, забив гол. Они какие-то очень бесстрастные. Это неправильно! Надо вносить существенные коррективы в программы.

– Я тоже кое-что заметил. Но мы для того здесь и присутствуем, чтобы сделать анализ и дать рекомендации. Для этого прибыл Предиктор. И сам Великий Магистр.

– Понятно. А где пройдет обсуждение?

После возобновления игры характер игры немного изменился. Андроиды снова давили со страшной силой, но студенты, до того словно перепуганные и ошарашенные, сумели придать игре рисунок, как-то организовались и теперь удерживали натиск синих – то есть андроидов. Студенты с удивлением рассматривали невеселых плотных парней неопределенного возраста в синих футболках.

– Обратите внимание на того, 10-го у красных, – проговорил барон, наклонившись ближе к Снайерсу. – Видите того, чернявого, с вьющимся волосом? Это разве не тот, что играл за андроидов на левом фланге?.. В первом тайме?

Снайерс достал бинокль, стал наблюдать...

– Похоже, вы правы, барон, – согласился он. – Только тогда он бегал с распущенным волосом. А теперь у него косичка. Послушайте, а вот тот, 13-й, у красных... Ведь этот тот самый, что был в центре защиты у синих. В первом тайме...

– Точно! – подтвердил магистр. – Это именно он... Я не понимаю, в чем смысл. Они подставили трех андроидов к студентам.

– Смысл понятен. Выровнять игру. Посмотреть, как они взаимодействуют с обычными, – заметил Снайерс.

– Вероятно, вы правы, Джеф...

Они начали внимательно наблюдать за игрой.

В один из моментов студенты, за которых играли теперь три андроидов, очень четко сыграв в стенку, вышли по центру на ворота, и 10-й наконец мощно и точно пробил в них правый угол, забив гол своим бывшим партнерам. Ликованию студентов не было предела! Они носились,

вопили, висели на забившем гол андроиде, словно это был игрок, сыгравший рядом с ними сто игр.

Магистр с удивлением увидел на лице этого чернявого андроида улыбку... Два других красных андроида наблюдали эпизод с интересом. Было видно, как капитан синих что-то говорит «красным андроидам». Чернявый отмахнулся, отбежал. Непонятно было, что там у них происходит.

После гола игра приняла резкий характер. Синие андроиды пошли вперед, но красные были на подъеме и быстро пресекали все атаки соперника. Вскоре они опять забили гол и снова ликовали, а синие смотрели на них как-то хмуро. «Очень странно, – отметил про себя магистр. – Это все очень странно»... Но игра теперь захватила всех; маги наблюдали за игрой со всем вниманием, как и люди в затемненной ложе напротив.

Вскоре началось нечто, напоминавшее игры в финалах мировых чемпионатов.

Синие андроиды никак не могли выйти вперед в счете и начали грубить. В итоге разразилась алогичная, неожиданная, чудовищная ситуация. Началось все с того, что защитник синих, 5-й номер, андроид, грубо сшиб с ног нападающего красных – не андроида. Тот встал и бросился на обидчика. Андроид нанес резкий удар правой, и человек рухнул, как гипсовая статуя, прямо и жестко. И тогда в дело неожиданно вмешались три красных андроида. Чернявый резко, ногой, ударил в голову пятерку синих, андроида. Тот удержался на ногах, но словно потерял управление, закрутился, завращался. Произошел какой-то сбой программы. После этого на красных андроидов всей сворой бросились их синие собратья, а на защиту трех своих лидеров бросились остальные красные – обычные...

Люди и андроиды смешались в дикой суматохе. Началась беспорядочная свалка, с хриплыми криками, глухими ударами ногами и руками. Очень скоро пятеро «обычных» в красных футболках уже лежали на газоне. Трое не двигались. Двое студентов корчились от боли – у одного была сломана рука, у другого – челюсть. Трое красных андроидов, ведомые чернявым, отчаянно и яростно бились со своими собратьями из синей команды. Гулкие удары по телу, рев, крики и хрип заполнили чашу стадиона...

Магистр и другие члены Братства, присутствовавшие на матче, встали и с тревогой наблюдали за происходящим. Магистр достал телефон:

– Что вы делаете? Что вы тянете? – кричал он. – Выключите их!

– Нельзя, магистр, – отвечал перепуганный Балнемур. – Студенты поймут, с кем играли!

Вы же не дадите приказ их всех ликвидировать, не так ли?

Магистр сразу не мог понять, что же делать. Потом закричал:

– Уведите обычных! Уведите всех!

На поле ринулись сотрудники охраны. Однако они были людьми, и страшились вступить в схватку с андроидами, увидев их вблизи. Они начали стрелять травматическими пулями, бросили баллон с каким-то газом. Но тогда несколько андроидов бросились на охранников, начали их избивать, а по сути калечить и убивать. Офицер охраны достал пистолет и выстрелил боевым в воздух, а затем в ногу нападавшего на него андроида. Тот осел на нее, но не закричал и никого не позвал на помощь; он молча, страшно двинулся, волоча ногу, на охранника. Тот побледнел и попятился назад. На его счастье, целое подразделение силовых структур Братства вдруг появилось на поле. На каждого из андроидов набросилось по трое, по четверо подготовленных, крепких мужчин, обрушивая их на землю и заламывая руки и одевая наручники, связывая ноги толстыми веревками.

Охрана также начала срочно уводить с поля оставшихся на ногах обычных игроков. Те с ужасом наблюдали за происходящим, понимая, что творится нечто необычайное. Несколько охранников недвижно лежали на газоне. Магистр видел, что по меньшей мере один из них – стопроцентный труп.

– Джек, – крикнул приятелю один из уходивших с поля студентов. – Я понял, кто они! Они не дикари! Они вообще... не люди! Это киборги! Киборги, Джек!..

«Надо запомнить того, кто это сказал, – подумал магистр. – Зря ты это сказал, парень...»

Он знал, что в быту все эти новые поколения, да и весь мир с подачи Голливуда называл таких существ киборгами. Но в Братстве на одном из заседаний было решено: новых существ именовать только андроидами. Незачем было смешивать свою собственную терминологию с общепринятой.

Вскоре последнего из обычных игроков вывели с поля. Крики и шум на поле стали затихать. Трое андроидов в синем были серьезно повреждены в драке: один сидел, странно мотая головой, другой лежал лицом к земле и чертил ногой полукруг. Третий лежал недвижно. Охрана с трудом обездвигивала поваленных на газон синих андроидов. Вдруг все андроиды как-то резко, моментально прекратили двигаться – все вместе, и красные, и синие. Они ничком легли на траву и замерли. Наступила тишина.

На поле стремительно въехали три больших машины-фургона. Андройдов стали поднимать и втаскивать в машины. Вскоре погрузили всех, и машины уехали.

Сэр Виндинг-Бронс обменялся взглядами с магами 2-й ложи. Все качали головами, кто-то даже улыбался. Но ничего хорошего в происшедшем не усматривалось. Всем было ясно, что произошел непредвиденный сбой. Это был, по сути, провал. В концепции проекта и программном обеспечении обнаружились серьезные недоработки.

В проходе под трибунами остановились четыре черных бронированных джипа. Вскоре магистр и другие члены Братства уже мчались по задымленному городу.

...Холл закрытого конгресс-центра имел овальную форму. Гости имели возможность рассесться так, как им было удобно: вокруг подиума, за ним или перед ним. Ряд кресел могли свободно перемещаться на специальных воздушных подушках.

Встроенные в пол усилители голоса сначала заработали чересчур громко, но затем невидимые звуковики их программно пригасили. Вступительные слова сказал научный руководитель проекта «Андройды» Джессен Балнемур:

– Господа, мы тоже присутствовали на стадионе. Мы наблюдали ход эксперимента. Полагаю, что неожиданное завершение не мешает нам оценить проект во всей его многосложности, с тем, чтобы за оставшееся время внести коррективы.

Наша группа, как вы знаете, работает над проектом уже пять лет. Все подготовительные работы по генной инженерии, формированию программ и технического инструментария были выполнены другими группами. Они работали в разных направлениях много лет до нас. Именно они создали условия, для того, чтобы мы сегодня имели возможность создавать новые вариации разумных управляемых существ.

Мы получили от вас, господа, управляющие директивы. Мы вас информировали о ходе работ, давали, как вы помните, пояснения в ходе наших внутренних конференций. Год назад мы представили вам уже окончательный вариант андроида нового типа, проект «Android-WH-21». Именно на основе этого проекта были созданы индивидуумы, которые сегодня составили не только эту футбольную команду, но также участвуют в конкретных программах в разных частях света. Мы готовы дать вам пояснения по интересующим вас вопросам.

Магистр Фергюссон нажал кнопку рядом со своим креслом. Усиление звука включилось, и его тихий голос стал слышен всем.

– Мы отдаем должное вашим знаниям и талантам. То, что мы видели сегодня, поразительно. На наших глазах направление развития человечества меняется. Мы видим зачатки новой цивилизации, где люди создают генерации новых существ, которые впоследствии смо-

гут существовать на других планетах, в других мирах. Именно они смогут, не мы – мы будем лишь управлять.

Аплодисментов не было, так как это было не принято на таких встречах. Магистр Виндинг-Бронс поднял руку и нажал кнопку усиления звука.

– Мне бы хотелось услышать от вас что-нибудь о причинах тех сбоев, что происходят. Сегодняшний сбой был беспрецедентным. Это неслыханный провал! И это произошло на глазах Великого Магистра! Что вы теперь собираетесь делать? Как вы собираетесь устранять неполадки? Объясните, будьте любезны, доктор Балнемур!

Джессен Балнемур, ничуть не смутившись, отвечал без промедления:

– Уважаемый магистр, ваш вопрос совершенно логичен. Я сразу признаюсь: психоэмоциональная сфера изначально являлась самым сложным для нас предметом. Для исследования и моделирования равнозначно. Чтобы вы меня лучше поняли, я вновь выведу изображение – схему базовой модели WH-367.

Балнемур нажал кнопку на пульте. В пространстве возникла голограмма, отображающая устройство всех систем андроида: костная система, ткани тела и внутренние органы; вживленные в тело, конечности и мозг чипы, а также пять тонких тел, окрашенных в разные цвета.

– Вы видите разные уровни организации данного существа. Давайте восстановим в памяти основную информацию об устройстве андроида. Вы помните: скелет создан из универсальных композитных сверхлегких и сверхпрочных материалов. Выполняется на первом этапе отдельно. На пористый костяк происходит напыление особого рода биологического материала и бактерий для осуществления органической конвергенции с мягкими тканями. Вся система мышечных тканей, связок, органов, всех прочих систем полностью скопирована с человека. С помощью специальных программ мы клонируем тело и наращиваем его на скелет – вместе с нервными волокнами... Затем прошиваем все информационные каналы в теле с использованием сверхтонких органических проводов; соединяем их с чипами.

Чипов, как вы помните, всего двенадцать, и у каждого своя зона ответственности. Зрение у андроидов циркулярное; подсоединенные к мозгу процессоры делают возможным обзорное видение, на 360 градусов. Андроид имеет и тепловизорное зрение, способен видеть в темноте, ориентироваться на основе ультразвуковых данных, фиксировать радиационное излучение и ряд других. Но у футбольной модификации ряд функции мы отключили, так как они не актуальны для данного проекта.

У андроидов всего пять энергоцентров, тогда как у человека, то есть у нас с вами, их семь. Так же как и у нас, энергоцентры существа генерируют тонкие поля, которые способны соединяться с соответствующими полями макросистемы, то есть Космоса. Так создаются каналы для обратного тока энергии и информации. Ее обработку и сведение в единое целое осуществляет центральный процессор – стандартный головной мозг, который также клонируется вместе с телом. Он ничем не отличается от человеческого, абсолютно. Особенность мозга андроида в том, что в него внедрены особые чипы, работа которых коррелирована с определенными зонами головного мозга. Однако мозг андроида не получает информации шестого энергоцентра в том объеме, какой имеет человек. Я уже не говорю о седьмом – его у этих существ просто нет. Отсутствует то, что мы называем абстрактным мышлением, или верхним манасом у индусов.

– Это, вероятно, то звено, которое отвечает за формирование личности? – спросил Фергюссон.

– Совершенно верно. И еще один важный момент: именно этот аспект определяет наличие свободной воли у существа. Мы вопрос решили: свободной воли у существа нет. Оно не способно вообще продуцировать самостоятельные программы; оно также не способно ликвидировать те, что установлены нами – это в интересах безопасности. Внедряясь через установленные чипы в структуры системы, мы принуждаем мозг обрабатывать новые данные, идущие

внесознательно; то есть мы как бы подмешиваем в систему нашу информацию и таким образом можем управлять индивидом.

– Это все хорошо. Это понятно. Но мы ведь говорим об эмоциях, – заметил магистр Виндинг-Бронс.

– Да, магистр. Я мысль не теряю. Эмоциональную сферу ослабили, но не выключили. Мы внедрили программы, которые как бы имитируют эмоции, но эмоциями натуральными не являются. Это отчасти похоже на функциональные эмоции робота, но только тут они все равно сопряжены с полями макрокосма, и потому имеют другую природу и иначе проявляются.

– Вы нам загружаете мозги своим наукообразием, – несколько агрессивно, привстав, заметил один из магов 2-й ложи. – Ни черта не понятно! Лучше поясните, почему сегодня эти суперсущества устроили такую свару, при том что, как вы говорите, эмоциональная сфера ослаблена?

– У нас, разумеется, есть способы влияния. Программы контроля позволяют активизировать или, наоборот, уменьшать активность определенных зон головного мозга андроида. Мы можем вызвать у него радость беспричинную, например. Мы можем погрузить его в депрессию. Мы можем вообще его выключить, ввести в ступор – что вы и увидели на стадионе в конце драки. Мы можем внушить им определенные, нужные нам идеи и на основе этого вызвать у них эмоциональное возбуждение.

– Но драка на поле возникла ведь не по вашему приказу, не так ли?

– Не по нашему. Это несомненно, и мы это признаем. Для нас развитие событий было неожиданным. В действие вступили факторы, которые нам неподконтрольны.

– Вот...

Тут в разговор пожелал вступить молчавший до того психолог и философ Джеральд Хайслер:

– Господа, позвольте дать некоторые дополнительные сведения, чтобы наш разговор приобрел некий ассоциативный объем. Я прошу вас зафиксировать внимание на линии, которая уходит из четвертого энергоцентра вверх, к образованию, которое как вы видите, имеет неустойчивую форму. Это то, что можно назвать монадой. В простонародном сленге эти образования именуют душой.

– Вы хотите сказать, доктор Хайслер, что у андроидов есть душа? – спросил магистр 2-й ложи.

– Я бы назвал это иначе, сэр. Я бы назвал это энергоинформационным центром, или монадой. Вы ведь прекрасно знаете, что любой структурно организованный объект или система, будь то компьютер или автомобиль, способен с течением времени формировать свои полевые структуры. Когда они сформированы, объект может привлечь из тонких мерностей неких сущностей. Миры, находящиеся в другой мерности, полны этих сущностей. Тут есть элементалы, развоплощенные духи животных и даже людей; всякого рода зависшие плазмиды-призраки и прочее. Их присутствие и влияние на наш мир нельзя игнорировать. Явление одержания или сумасшествия связано именно с их внедрением в полевые оболочки человека...

– Нельзя ли ближе к делу, доктор Хайслер? – с нетерпением бросил магистр Виндинг-Бронс.

– Так вот, раз эти сущности способны внедриться даже в объекты, созданные из косной материи, то что тогда можно говорить о таких системах, как симбиоз человека и робота? Разумеется, монады стремятся их заселить! Ведь это готовый структурно организованный объект, к тому же относящийся к биосфере.

– Так блокируйте! – вскричал Фергюссон. – Какие, к черту, монады? Не дайте им входить, и все!

Хайслер улыбнулся.

– Господин Фергюссон! Вы могли повлиять на то, какая монада внедрится в тело вашей внучки, что недавно родилась?..

Фергюссон насупился, но не нашел что ответить. Хайслер между тем продолжал:

– Мы не можем в полной мере предотвратить внедрение в андроидов свободных монад из тонкого мира! Пожалуйста, господа магистры, примите это во внимание! Вот главная проблема всего проекта. Самое сложное заключается в том, что в человекоподобных существ внедряются по большей части «зависшие» монады развоплощенных людей. Они зависли в нижних мирах и не ушли, куда положено, после смерти тела. А зависли они, потому что нехорошо себя проявили в нашем трехмерном мире. Это не самые лучшие монады, поверьте... Выводы делайте сами, господа...

– Это очень важное пояснение, мистер Хайслер, – согласился магистр Виндинг-Бронс. – Теперь мы лучше представляем себе всю сложность задачи...

Наступила пауза. Маги молчали, обменивались многозначительными взглядами. Через некоторое время все присутствовавшие на совещании отправились на ужин.

Глава 7

Сон был тревожный и тяжелый. Это был то ли каземат, то ли какое-то специальное заведение, но явно средневековое; причем это точно была Европа. Чьи-то шаги и голоса гулко отражались от высоких сводов каких-то зал; это были мужские голоса, а язык иностранный, похожий на испанский или итальянский. Воздух висел тяжелый, угадывались какие-то испарения – то ли крови, то ли горелого мяса; также различались запахи гниения. Периодически по этому пространству разносились душераздирающие крики. Они возникали будто бы ниоткуда, резко и страшно, и сразу выходили на высокие, отчаянные ноты; потом вдруг резко обрывались.

Он лежал, прикованный цепью на железной кровати. Вся его спина ныла медленной, стылой болью, так как железная кровать вся была утыкана металлическими острыми шипами, которые глубоко вонзились в его тело. Один из шипов воткнулся в его голову – в том месте, где она переходила в шею; этот шип доставлял наибольшие страдания. Он не мог полностью видеть свое тело, но угловым зрением угадывал, что оно обнажено и все наискось пересечено цепями. Такими же цепями были прикованы и его руки: левая – к металлической решетке, правая – к железной балке, протянувшейся вдоль кровати.

Душевное состояние было ужасное: липкий тяжелый ужас, страх, боль, скорбь застыли единым комком в районе сердца, и изгнать этот страх было невозможно; было очень четко осознаваемо, что оборвет его только смерть. Ее близость ощущалась и понималась всем, что составляло его существо: телом, душой и чем-то еще, что невозможно было определить никоим образом. Ни двинуться, ни тем более приподняться не было никакой возможности; тело казалось ему невозможно, непозволительно мягким и уязвимым в соприкосновении с холодным, бездушным, причиняющим мучительную боль металлом.

Он услышал, как из общего гула шагов выделились те, что относились именно к нему. Эти шаги приблизились, и возле его кровати их шарканье оборвалось. Он скосил глаза налево. Перед ним стояли два человека в черных капюшонах, окаймленных белой полосой. Один что-то держал в руках, но, что именно, видно не было. Один был сед и немолод, второй был мужчиной лет сорока с черными смолистыми волосами и пронзительным, горевшим нехорошим огнем взглядом. Взгляд старого был отстраненно-равнодушным. Они постояли молча некоторое время. Затем начали креститься и тихо молиться, бормоча какой-то текст на испанском.

Молитва была короткой. Потом молодой что-то поднял и поднес совсем близко к его лицу, чтобы он видел. И тогда он увидел, что это было. Это была клетка с кривыми черными прутьями, в которой возились две жирные большие крысы. Увидев его, они замерли на миг; затем продолжили свое проворное суетливое рысканье по дну клетки.

Предвестие чего-то совсем ужасного охватило его. Он хотел кричать, что-то сказать, и голова было приподнялась, стремясь оторваться от шипа, но снова откинулась и налетела на него. Стон вырвался из уст его, и струйка свежей крови вытекла из того места, где шип вонзился в его затылок, и потекла на грудь. Он почувствовал, что они поставили клетку на его обнаженный живот, однако крыс на животе не чувствовал. Но затем более молодой что-то сделал с клеткой, и вот тогда... Тогда он почувствовал на животе ерзанье острых жестких кисточек. Двое людей некоторое время стояли рядом и, видимо, смотрели на крыс. Потом старший что-то произнес, и они медленно удалились.

Крысы некоторое время бегали по животу. Затем одна замерла. И сразу же после этого он почувствовал острую боль: зубки крысы вонзились в его плоть. Он вскрикнул. Струйка крови потекла по животу на его бок. Крыса начала вгрызаться глубже. И вскоре отхватила целый кусок его тела. Разряды болезненных судорог, острые иглы холодных мурашек, вспышки перед глазами... Другая крыса вонзилась в его половой орган... Он уже кричал – истошным, ужасным, отчаянным голосом обреченного. Боль превращалась в непереносимую. Голодные

крысы вошли в раж, и рвали его тело с упоением и страстью. Жрали острыми зубками его плоть, при этом издавали писк и что-то вроде урчания.

Он понял, что скоро умрет, и теперь молился только о том, чтобы это произошло поскорее. Он пытался обратиться к чему-то Высшему, к Тому, кто был очень важен для него; и ему казалось, что этот Кто-то, помогавший ему всю жизнь, вот-вот проявится и прекратит его муки. Но он не видел его, однако вдруг почувствовал, что откуда-то из неясности, из другого мира, другой реальности за ним наблюдают. Вероятно, он не смог бы объяснить, каким образом он ощущал это присутствие, но он точно знал, что оно было. Однако это ощущение не принесло ему облегчения. В какой-то момент он почувствовал, что одна из крыс разорвала важный сосуд на внутренней части бедра, скорее всего, артерию. Он чувствовал, что кровь брызжет из раны, обдавая брызгами все его тело – они долетали даже до шеи... Звуки и боль стали отдаляться, на глаза наваливалась темнота со светящейся точкой; тело становилось все более чужим, ватным, непослушным, неподвластным его мыслям. Он слышал голоса и шарканье, но в какой-то момент ему показалось, что голоса уже другие, совсем другие. Возникли звучания, возникли очертания чего-то иного. Боль стала проходить, ощущаясь по-другому, не нервами, а отстраненно, становясь представлением о ней.

Затем он увидел себя сверху: он лежал на железной кровати, на животе стояла клетка, две крысы терзали его тело, которое все было в крови. Он также увидел одного из тех, в капюшонах, что подходил к его кровати. Это был тот, более молодой, со сверкающим взглядом. Служитель молча стоял и наблюдал за происходящим...

Вдруг тот, кто был в плотном мире Михаилом Георгиевичем, как бы поплыл надо всем, что было внизу. Проплыл над тем служителем с капюшоном, а затем и далее. Он вдруг четко осознал, что происходящее и есть то, что называют смертью; однако теперь возникло четкое понимание, что никакой смерти вовсе нет и не может быть; что это просто другая жизнь. Пришла мысль: ведь он так и думал! Так и говорили: выйдешь из тела – будешь видеть все, что внизу, но некоторое время.

Он поплыл дальше, будто воздушный шарик, по коридорам этого сводчатого здания, границы которого оказались гораздо шире, чем он представлял: за стенами угадывалось наличие еще чего-то бездонного, бескрайнего и бесшумного. И он, вроде бы, и воспринимал местные шумы, только иным образом: это теперь были скорее образы шумов, аналоги звуков, но не сами они – то есть прямые, конкретные звуки. При этом проплывавшие внизу картины были почти ясными.

Он увидел в сводчатом проеме голого человека с выпученными белыми глазами, позади которого клубился пар. Стоявший спиной к нему капеллан держал в руке Библию в старинном черном переплете и отчитывал что-то. Другой священник в черном перекрестил голого большим крестом, украшенным драгоценными камнями; кто-то выбежал из-за его спины, толкнул голого, и тот полетел в огромный чан, в котором булькал кипяток. Там уже плавали сизыми спинами вверх сварившиеся трупы. Человек на секунду выскочил из кипятка; глаза его вылезли из орбит, язык вывалился, в горле клокотало; с последним хриплым воплем он обрушился и исчез в кипящей воде.

Тот, кто был в плотном мире Михаилом Георгиевичем, проплыл дальше, рассматривая все вокруг, но не терзаясь при виде того, что наблюдал, воспринимая видимое отстраненно, как сон во сне. При этом он впитывал всем существом тот ужас, что ощущали окованные цепями несчастные.

В большой зале женщину лет 30 поднимали за выломанные руки вверх; монах в черном вращал зубчатое колесо; капеллан в сером поднес к ее лицу металлический предмет, напоминавший маленький ухват для горшков. Концы ухвата были раскалены. Священник, борючая молитву, вдруг резко воткнул этот ухват раскаленными концами прямо в глаза несчастной; брызнула жидкость, кровь, ошметки тканей; раздался душераздирающий вопль. Но он

уже уплывал дальше и видел, как за закрытой дверью, возле столика с бутылками, на котором лежал дорогой крест, залитый то ли кровью, то ли вином, поджарый молодой монах пользует в зад пожилого священника в дорогом облачении; как у того открыт сладострастно рот, стекает обильная слюна на седую бороду, а вся голова дергается назад в такт движениям монаха...

Вдруг проплывавшие картины стали удаляться; он как бы стал подниматься надо всем. Подступила осмысленная пульсирующая тьма, а брызнувший затем свет вернул его действующее сознание...

Михаил Георгиевич не сразу отошел от этого сна, или видения. Неприятное ощущение во всем теле, во всем существе сохранялось еще некоторое время. Он пошел в душ, и долго стоял, чередуя потоки горячей и совершенно холодной, почти ледяной воды.

Только после этого, вытершись и одевшись, он почувствовал, что внедренный в него негатив ушел. Однако он все равно зажег сандаловые палочки и три свечи.

– Что это? Зачем? Что они мне хотят этим сказать?

Он медленно прохаживался по дворику дачи, размышляя.

Когда он сделал мысленный запрос, он вдруг увидел себя в поезде метро. Он вдруг увидел тот момент, когда пассажиров колбасит в вагоне, сам он мечется и вдруг выскакивает на станции «Таганская»...

– Нет... нет. Инквизиция всплыла не просто так, – думал он. – А может быть, мне сигналят. Будет встреча со старым знакомым? Тот, кто меня тогда... Может быть, удары от него? Я выясню. Я доберусь. Если так, то я разберусь с тобой, дружочек... Ты уж прости. А хочешь – не прощай. Мне все равно!

Включив сотовый, он обнаружил на нем лишь один неотвеченный вызов. Однако он был важным – звонил Велемудр, его соратник, волхв, живший в небольшом поселке в Зауралье. Велемудр отвечал за сохранность одного из наиболее важных капищ, расположенного рядом с из Великими славянскими пирамидами. Он мог звонить только по какому-то очень значительному поводу.

Михаил Георгиевич собрался с мыслями, подумал. Затем нажал кнопку вызова. Велемудр ответил не сразу – минуты через две.

– Здравствуй, брат! – приветствовал его он.

– И ты здравствуй, брат, – отвечал Михаил Георгиевич.

– Круг собираю, брат, – сказал Велемудр. – События предстоят.

– Как скоро будут события? – спросил Михаил Георгиевич.

– Уже происходят, брат. Было у меня общение...

Наступила пауза. Михаил Георгиевич понял, что волхв хочет сообщить нечто важное.

– Я слушаю тебя.

– На тебя было указано. Миссия у тебя просматривается. Символ – пятнистая сфера.

Снова возникла пауза.

– Нет ясности, – произнес, наконец, Михаил Георгиевич.

– Не спеши. Все прояснится. И еще... Родослав будет на днях проезжать Москву. Возьми у него то, что он даст. Помнишь, что я сказал тебе на круге?

– Ты сказал: «Они появились...» Это?

– Это... Да, брат. Они появились. Нелюди уже здесь. У тебя миссия. Так было сказано. Указано было на тебя. Пятнистая сфера – ключ.

– Надо ждать, брат. Пока неясно. На меня нападение было, брат. Я просил помощь у общины...

– Мы знаем, брат. Ты ведь включал терафим? Это было днем. Но мы успели. Это те самые, что и в мае. Работа была непростая...

– От них отдает техническим чем-то.

– Точно так, брат. Именно. Об этом я и веду речь. Надо выяснять, что там и как. Мало ли... Может, прощупывают плиту под Среднерусской, или где еще. Ударить могут... Они же безумные...

– Кому-то нужен гаввах... Много гаввах...

– Не получат. За тем мы и встали на стражу.

– Спасибо тебе! И братьям спасибо. Я сделал другую защиту. Надо отслеживать, кто это.

– Мы смотрим. Пока неясно. Они еще покажут себя.

– Надо думать. Когда будет Родослав?

– Он сообщит... На днях. Пока все, брат. Будь здоров!..

– И ты, брат. Я на связи...

Михаил Георгиевич положил было телефон на стол. Но он зазвонил снова. Это был его ученик Андрей Маранов.

– Михаил Георгиевич, здравствуйте!

– Приветствую вас, Андрей.

– Можете говорить? Вы были недоступны.

– Да, могу. Как вы? Как ваши дела?

– Мне надо с вами срочно поговорить. Дело важное.

Михаил Георгиевич настроился на Маранова, и увидел над ним что-то светящееся... Маранов был вовлечен во что-то серьезное.

– Конечно, Андрей. Увидимся. Когда вам удобно?

– А вам?

– А сегодня?

Михаил Георгиевич подумал.

– Давайте завтра днем. Часа в два дня.

– А в четыре? У меня до четырех дела. Неотложные.

– Хорошо. Значит, в четыре. Там же, на Патриарших...

– У скамейки Воланда... Договорились.

Некоторое время он стоял в задумчивости, молча глядя перед собой.

– А вот и пятнистая сфера показалась, – вымолвил он. – Предстоят события... Ну что же. Поглядим...

Глава 8

Магистр сидел в шезлонге на балконе. С океана дул йодистый, ароматизированный испарениями муссон, овевая магистра приятной прохладой. Внизу, у берега, на огороженной территории, носились три его внуки, оглашая визгами и радостными криками побережье. Они лепили из песка замок, они играли в мяч, они катались на электромобильчике вдоль берега. Но вдруг перед ним возникла Клэр, его старшая дочь, которая приехала на остров отдохнуть с детьми. Магистр сразу увидел, что она в бешенстве.

– Итак, значит, ты в этом участвуешь?

Он озадаченно посмотрел на нее. В руках у нее был текст, который магистр случайно оставил на столе в гостиной.

– Положи на место! Это секретный документ!

Он вскочил с места.

– Да нет уж, давай почитаем. Давай почитаем, папочка.

– Тебе не надо в это лезть. Это не твое дело, Клэр.

Однако она отскочила с текстом, встала на возвышение балкона, и начала читать:

– *«К концу 21-го века на планете должна быть создана монолитная однородная масса ординаров, объединенная той культурой и теми религиозными представлениями, которые мы сочтем оптимальными для данного периода времени и данного уровня развития цивилизации...»* Отлично! Прекрасно! Масса ординаров!..

«Только создание однородной и монолитной массы ординаров (!) – ординары — это, надо понимать, обычные люди, не миллиардеры, просто люди! – Позволит нам (вам!) эффективно контролировать процесс жизнедеятельности любого индивида с помощью разработанных нами систем контроля и посредством новых технических устройств, а также андроидов – человекообразных роботов новых генераций».

– Вот как! Отлично, папочка! Может, ты уже подселил к нам такого роботика, а? Может, у тебя уже прислуга такая? И сотрудники? Может, и ты уже не ты? А? А?

Она почти кричала. Явно начиналась истерика.

– Чего ты хочешь, Клэр? – только и мог сказать ошеломленный барон, начиная закипать. – Ты ничего не понимаешь в этом, брось кричать! Давай поговорим спокойно. Я объясню тебе...

– Неужели ты работаешь на Сатану? – наступала она на него. – И это мой отец! Мой отец работает на Сатану! Маленькие бедные люди бегают, крутятся, пытаются выжить... В Китае 35 миллионов погибли! Под Денвером 12!!! Это кто?... Это что? Раньше тысяча погибнет – вопли на весь мир. А теперь миллионы пропадают, и ничего! Все так спокойно подзабыли! В Африке дети умирают тысячами. Говорят, вы там вакцины испытываете. Климат совсем с ума сошел, везде то потопаы, то морозы жуткие. Сахара вся в снегу. Гренландия плывет. Вон Гавайи чуть не потонули. Японцы остров потеряли. А вам не просто наплевать... Вы еще хотите заменить людей машинами! Как будто здесь мало людей. Вам еще надо искусственных! Какие же вы... мерзавцы! Мрази! Негодяи!

– Замолчи, если ничего не понимаешь!

Магистр вскочил с шезлонга, и тоже перешел на крик.

– Если не понимаешь, не говори ничего! Не женских мозгов дело! Мы мыслим масштабами планеты! И даже большими!.. Это не мы крушим планету! Мы, напротив, хотим отодвинуть уродов, что это делают!

– И хотите все унифицировать! Вы мыслите масштабами своей самости! Эгоцентризма! – злобно бросала она ему в лицо. – Глобалисты проклятые! Вы строите дом счастья лишь для себя! Вы сволочи! Дайте обычным людям жить, а не плодите роботов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.